

Ливи Майкл

КАМЕНЬ
АНГЕЛА

Ливи Майкл
Камень ангела

«АСТ»

2009

Майкл Л.

Камень ангела / Л. Майкл — «АСТ», 2009

Студентка Кейт из Манхэттена отправляется на экскурсию в заброшенную средневековую церковь. У девушки возникает ощущение, что она уже бывала здесь раньше, хотя этого и не может быть... А в 1604 году при монастыре воспитывается и обучается Кит, девушка, которая выдает себя за юношу, потому что в те времена образование мог получить только мужчина. Однажды в тот же монастырь попадает Саймон, мальчик из рода ясновидящих цыган, который слышит голоса ангелов, но совершенно не приспособлен к жизни среди людей. Кит берет Саймона под свою опеку. Судьбы Кейт в настоящем и Кита с Саймоном в прошлом оказываются связаны, благодаря магической власти Камня ангела. Кто-то из троих должен принести страшную жертву. И как эта жертва отразится на их будущем и прошлом? Завораживающие хитросплетения истории, тайна перемещений во времени, удивительная судьба девушки, живущей сразу в двух эпохах.

© Майкл Л., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

В склепе	6
Здесь, сейчас	7
Манчестер, наши дни	7
Саймон	10
1	10
2	13
3	18
4	22
5	24
6	29
7	33
8	36
9	38
10	41
11	45
12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Майкл Ливи Камень ангела

Livi Michael
The Angel Stone

© Livi Michael, 2006
© Е. А. Фрадкина, перевод, 2009
© ООО «Астрель-СПб», 2009

В склепе

Посвящается отцу, который всегда верил в меня

Есть в церкви неприметный уголок:
В склеп узенькая лесенка ведет.
Таинственный мерцает огонек,
Тут сыро и могилой отдаёт.
Лишь тени от колонны на полу,
И странностей как будто вовсе нет.
Но чудится, что кто-то есть в углу,
И в сумраке таится чей-то след.

Его вам не увидеть никогда
И не услышать в гулкой тишине.
Ведь он скользит по времени всегда —
Неуловим, как тени на стене.
Он в прошлом или будущем — как знать?
Он никуда не может опоздать.

Саймон Вуд

Здесь, сейчас

Манчестер, наши дни

Кружение медленно остановилось, и снова стало темно. Кейт ощущала под ногами шероховатость каменных плит, а в воздухе – холодную сырость. «Где я сейчас? – подумала она. – И в каком времени?»

Кажется, она сидит на деревянной скамье. Девочка пошарила вокруг себя, и пальцы нащупали что-то металлическое. Фонарик.

Кейт включила его. Бледный луч упал на Камень ангела, осветив контуры фигуры, вырубленной из песчаника. Камень ангела. Его она узнала. Единственная вещь, которая уцелела на протяжении всех этих столетий и не изменилась. Кейт сделала глубокий вздох. Она снова здесь, в соборе, как будто ничего не произошло. Вот перегородка на хорах, вот видеомонитор. Дверь в склеп закрыта. Что же она должна сейчас сделать?

«Я здесь, так? – мысленно произнесла она. – Что же дальше?»

Ничего.

Темнота и безмолвие. Кейт затаила дыхание и прислушалась, сжимая обеими руками фонарик. Лишь шепот деревьев доносился снаружи. Ей стало казаться, что мир рушится; хотя вокруг нее ничего не изменилось.

Она продолжала сидеть, выжидая, пока мир не примет какие-либо понятные ей формы.

«Только в темноте мы понимаем, кто мы такие на самом деле».

Она никак не могла вспомнить, кто именно это сказал.

Кейт выключила свет. Она заставила себя немного посидеть в полной темноте. Почувствовав вдруг, что руки онемели, девочка с усилием разжала пальцы.

– Вот так-то лучше, – произнес голос прямо над ее ухом.

Вздвигнув, Кейт выронила фонарик. Она в панике зашарила руками по скамье, а нащупав, включила и посветила вокруг. Луч упал на старика, сидевшего на скамье подле нее. Он поднял руку, инстинктивно заслоняя глаза от света.

– Не надо, – попросил он. – Мои глаза уже не те, что были раньше.

И улыбнулся, как будто сказал что-то смешное. Кейт резко вскочила, не выпуская его из ореола света. Бледный луч высветил длинные серебристые волосы и черную шапочку на голове. На старике был темный пыльный плащ, доходивший до пола и ниспадавший складками вокруг ног.

– К-кто вы? – спросила она, не сразу обретя дар речи. – Что вы здесь делаете?

«И что здесь делаю я?» – могла бы она добавить, но воздержалась.

– Хорошие вопросы, – сказал старик – Однако выключи свет, пожалуйста. Я тебя не вижу.

– А вот я вас вижу, – ответила Кейт.

Она медленно придвигалась к нему, продолжая светить прямо перед собой. Старик заслонил лицо от света рукавом, и Кейт смогла рассмотреть поношенную шерстяную материю с выдернутыми нитками.

– Ты боишься темноты? – мягко осведомился он.

Кейт не ответила. Она в упор разглядывала его, но видела лишь шапочку, а ниже, под рукавом – серебряную бороду.

– Ты ничего не узнаешь, если будешь бояться, – сказал он.

Кейт ударилась ногой о деревянную скамью, и луч фонаря отклонился в сторону, но она быстро направила его обратно на старика.

– Твое поколение ничего не знает о темноте, – с грустью продолжал он. – Поэтому и ты не знаешь ничего. Разве не помнишь, как я говорил тебе, что только в темноте мы понимаем, кто мы такие на самом деле?

Он поднял вторую руку, и фонарик погас.

Она услышала свой крик: «Нет!» В отчаянии Кейт защелкала выключателем, но ничего не изменилось.

– Прости, – сказал старик, – но я не могу с тобой разговаривать, пока эта штука светит мне в глаза.

Девочка стояла в полной темноте, совершенно позабыв о том, кто она такая. Ей хотелось убежать, но она понятия не имела, в какой стороне выход. Хотелось задать вопросы, но она лишь слышала, как кровь стучит у нее в ушах.

– Итак, – продолжил старик, – что же именно ты хотела узнать?

Кейт нащупала ногой твердую скамью, и это ее немного успокоило.

– Кит – Кейт, – обратился он к ней. – Пожалуйста, не бойся меня. Я сейчас тебе все объясню.

– Я хочу знать, где мой отец, – ответила она.

При этих словах она ощутила такой приступ тоски, что чуть не задохнулась. Почему он покинул ее?

– Ты помнишь, как я однажды показал тебе звезду? – осведомился старик.

И внезапно Кейт вспомнила, как ее уколос луч ледяного света, проникший в окно. Она была там с этим стариком. Настоятель. Теперь она его вспомнила. Они смотрели на звезду сквозь тонкий лист олова, в котором были просверлены дырочки. Настоятель передвигал этот лист вверх и вниз на деревянной палке, объясняя природу звездных орбит. Одновременно ей вспомнилось, как отец рассказывал ей о времени, используя лист бумаги и иглу.

– Существуют разные миры, Кит, – сказал настоятель. – И каждый из них по-своему раскрывает небесный план. Ты никогда не задумывался о тайнах других миров, Кит? У тебя не возникло собственных вопросов?

– Почему вы продолжаете называть меня Кит? Где мальчик? Где... – Однако она не могла заставить себя думать о Духе. – Что вы с ним сделали?

Настоятель грустно улыбнулся.

– Я послал его в путешествие, – ответил он.

Кейт вдруг стало страшно.

– В путешествие? – повторила она. – Куда?

Настоятель не ответил.

– Вы имеете в виду, что убили его! – воскликнула она.

– Убил? – Голос настоятеля прозвучал задумчиво. – Можно взглянуть на это и таким образом.

– А как же еще можно на это взглянуть? – резко произнесла Кейт.

– О, ты удивилась бы, если бы узнала, – прозвучал ответ, и голос настоятеля сделался меланхоличным.

Кейт пришла в ярость.

– Вы ведь убили его, не так ли? – воскликнула она. – Признайтесь! Убили... Но почему? Что он вам сделал?

Она рассердилась, почувствовав, что слезы навернулись ей на глаза, и сердито смахнула их.

Настоятель поднялся, и в сумрачном свете, проникавшем в окна, она увидела, как он заломил руки, словно от мучительной боли.

– Кит – Кейт, – обратился он к ней – Пожалуйста, не бойся меня. Я сейчас тебе все объясню, по крайней мере, попытаюсь объяснить.

Он тронул ее за плечо. Кейт хотела отодвинуться от старика, но он взял ее за руку.

– Пойдем со мной, – произнес он мягким голосом, и Кейт, к своему удивлению, позволила увлечь себя к маленькой сводчатой двери в северной стороне собора.

Девочка открыла дверь и остановилась, пораженная.

Справа от собора современное здание Урбиса сияло зеленоватым светом, по Корпорейшн-стрит изредка проезжали машины. Вспыхивали разноцветные неоновые вывески, и уличные фонари заливали дорогу ярким электрическим светом. Даже тяжелые облака мерцали оранжевым отблеском.

А слева от Урбиса, чуть поодаль, сгрудились, навалившись друг на друга, обшарпанные таверны Лонг Миллгейт – точно такие же, как четыреста лет тому назад. Все было окрашено в какой-то тусклый, желтоватый зимний свет. Ветер гнал по улице пыль и овощные очистки. Кейт слышала, как невдалеке шумит река. Она в недоумении переводила взгляд с одного мира на другой. Как она ни старалась, ей было никак не найти ту черту, за которой менялось небо, или время.

– Все это здесь, – удивленно произнесла она вслух. – Все это здесь, сейчас.

Саймон

1

2 октября 1604 года

Голова Саймона покачивалась в такт трясущейся повозке и вдруг резко дернулась от сильного толчка. Мать крепче прижала мальчика к себе.

– Манчестер, – объявил возчик и метко сплюнул с моста в воду.

Это был немногословный человек, который все время что-то жевал. Саймону хотелось узнать, что это он жует, но как только он собирался задать вопрос, мать чувствовала это и сжимала его руку, заставляя молчать.

Но сейчас вознице, по-видимому, самому хотелось поговорить.

– Видите вон ту церковь? – спросил он. – Настоятель-то – колдун.

При этих словах он искоса взглянул на мать Саймона, и она поспешно отвела взгляд. Перед ними возвышалась огромная церковь, окруженная группой зданий. Весь день низкие тучи обещали дождь, но сейчас из-за них выглянуло оранжевое солнце, и окна церкви вспыхнули, а камень колокольни засиял мягким светом.

– Черный колдун, да, – продолжал возчик. – Некоторые говорят, можно увидеть, как он взлетает с колокольни, как черная ворона на закате. Другие рассказывают, что ночью он оборачивается большой черной собакой и бродит по улицам.

Саймон почувствовал, как мать опять сжала его руку.

– Так что вам нужно быть тут осторожнее, – предупредил возчик. – Смотрите в оба.

Саймон не знал, что это означает, но под предостерегающим взглядом матери спрашивать не стал.

– Вы же не хотите, чтобы он превратил вас во что-нибудь мерзкое.

– Мы не станем его беспокоить, – сказала мать Саймона, поскольку возчик, вероятно, ожидал ответа.

– Но может быть, он-то вас побеспокоит, – возразил возчик, и женщина умолкла.

Саймону не нравился возчик. Он так и сказал маме, когда они влезли в повозку, но она шикнула на него. Они преодолели более двадцати миль, и это была первая остановка за все время. Сейчас возчик стегнул лошадь, и она медленно потащила повозку через мост над рекой, в город.

Когда они проехали часть моста, вдруг раздался хриплый, отчаянный голос:

– Воды!

Саймон так резко подпрыгнул, что чуть не вывалился из повозки.

– Воды! – молил голос. – Ради бога!

Саймон оглянулся, но так и не понял, откуда доносится этот голос. Возчик захихикал.

– Это волшебный мост, – сказал он, подмигивая мальчику.

– Воды! – снова раздался голос.

– Воды! – закричал Саймон точно таким же тоном.

– Неплохо, – одобрил возчик. – Он мог бы выступать с бродячей труппой.

Саймон свесился из повозки в ту сторону, откуда доносились крики.

– Саймон! – одернула его мать, втаскивая обратно. – Откуда он раздается? – обратилась она к возчику, и тот указал в сторону любопытного строения, находившегося посередине моста.

– Маленькая часовня, – пояснил он. – Построена давным-давно. Теперь ею никто не пользуется. Но внизу есть подземелье для тех, кто провинился.

Он щелкнул хлыстом, и лошадь миновала часовню. Голос продолжал взывать к ним:

– Воды!

– Вокруг тебя полно воды, – ответил возчик, – стоит только посмотреть.

Саймон увидел, что здание накренилось с одной стороны моста и повисло над вспенившейся рекой. Мальчик привстал, вытянув шею в ту сторону, откуда доносился голос.

– Они его выпустят? – прошептал он на родном языке.

Мать ничего не ответила – лишь усадила на место, поплотнее укутав в синее одеяло, которым они прикрывались ночью.

– Тише, Саймон, – сказала она шепотом.

– Вам ни к чему расстраиваться из-за такого, как он, – заметил возчик. – Он попался на воровстве, а может быть, не ходил в церковь. Скорее всего, вы увидите его завтра в колодках.

Возчик резко стегнул лошадь перед подъемом в гору. Саймон молча смотрел на его толстую шею и вдруг почувствовал, как засосало под ложечкой, затем задрожали руки и ноги. Он попытался думать о матери, о ее тонких пальцах, сжимавших его руку, и о прядях темно-рыжих волос, щекотавших ему лицо.

Возчик остановил лошадь неподалеку от церкви.

– Дальше я не поеду, – сказал он. – Вам бы лучше здесь сойти.

Он спустился с повозки, обмотал вожжи вокруг ветки дерева, потом протянул руку матери Саймона.

– Плата, – потребовал он.

Женщина вцепилась в соскользнувшее одеяло.

– У меня нет денег, – ответила она.

– А я и не думал, что они у вас есть, – заметил возчик.

Поколебавшись, мать Саймона отпустила одеяло и подала возчику руку. Саймон схватил ее за юбку, но она его отстранила.

– Жди здесь, – велела она, легонько погладив его щеку. – Я ненадолго.

Секунду она постояла в повозке, затем легко спрыгнула на землю. Саймон следил за тем, как возчик ведет мать в рощицу, к деревьям и кустам.

Саймон сжался в комок, обхватил руками трясущиеся колени. Он чувствовал запах нового города – у каждого города, в который они приезжали, был свой собственный запах. Здесь пахло дымом от сжигаемого мусора, а еще – влажной шерстью, разложенной в полях на просушку. Несмотря на вечернее время, вокруг кипела жизнь: стучали колеса повозок, хрипло ругались мужчины, плакали младенцы, переключались между собой женщины. Запах людей был резким и характерным, как у коров. Саймон слышал, как со звоном ударяется по наковальне молот кузнеца, как лает собака и как гремят перекачиваемые бочки. Потом вдруг зазвонили колокола на церкви, и после перезвона один колокол стал отбивать часы. При каждом ударе Саймон клал по одному пальцу на поношенную ткань своих штанов – таким образом мать учила его считать, но он всегда сбивался, не дойдя до пяти.

С колокольни слетела птица и, медленно описав круг, опустилась на ветку, почти вровень с головой Саймона. Она была так близко от мальчика, что он мог разглядеть ее перья – не все черные, попадались и синевато-зеленые, – и круглый оранжевый глаз. Птица склонила голову набок, затем издала хриплый звук. Саймон поспешно прищурился, вспомнив то, что возчик рассказывал о настоятеле. Птица придвинулась ближе, и ему стали видны неровности костистого клюва и тонкий, дрожащий язык. Затем она расправила крылья и резко взлетела вверх.

В ту минуту, когда птица поднялась в воздух, в голове Саймона как будто что-то сместилось. Он чувствовал, как там что-то кренится и бурлит, и слегка покачнулся, пытаясь удержать равновесие. Мальчик поднялся на ноги и огляделся, но птица скрылась из виду. Именно

об этом ему всегда хотелось узнать. «Куда улетают птицы, мама? – спрашивал он. – Куда они улетают?»

Как бы в ответ у него за спиной внезапно зашуршали ветви, и из-за них показалась мать. Она запыхалась, и у нее был смущенный вид. Она поспешила к повозке и, протянув Саймону руку, посмотрела на него тем упорным взглядом, который он хорошо знал.

– Бежим! – воскликнула она.

2

Саймон спрыгнул с повозки, приземлившись на четвереньки в грязь. Он умел быстро бегать, быстрее, чем мать, которой мешала длинная юбка, и вскоре он уже тащил ее по тропинке, которая проходила между двумя высокими стенами и вела к городским улицам. Возчик следовал за ними. Саймону казалось, он фыркал и ворчал, как большой зверь. Мальчик ощущал его жаркое зловонное дыхание на затылке.

Но в конце дорожки он совсем забыл о возчике. Многочисленные прохожие несли кувшины с водой, корзины с выстиранным бельем и свежесрезанной зеленью. Дома стояли очень близко друг от друга, и первый этаж выступал вперед, так что люди могли протянуть через улицу руку и потрогать друг друга. На пороге одного из домов сидела женщина и прядла. По узкой улочке, где, казалось бы, невозможно было проехать, медленно катилась повозка с бочками, направлявшаяся к пивной. В лавке мясника с железных крючьев свисали свиные туши с вспоротым брюхом и обнажившимися ребрами, а вокруг них собирались голодные собаки.

Саймон с матерью пробирались сквозь толпу. Мальчику не нравилась такая толчея, но он знал, что лучший способ скрыться – затеряться в толпе; им приходилось не раз так делать. Они прокладывали путь вдоль извилистой улочки, следуя за слабыми, но отчетливыми звуками музыки. Прошли мимо лавки аптекаря, в окна которой были выставлены разноцветные пузырьки. Затем столкнулись с ночным сторожем, который трезвонил в колокольчик и выкрикивал время, а потом – с двумя мужчинами в мантиях членов церковной коллегии, тоже звонившими в колокольчик и призывавшими подавать милостыню для бедных.

Саймон надеялся, что им удастся найти что-нибудь съестное, и тогда они смогли бы выбраться из этого шумного, вонючего города и, как обычно, заночевать в лесу. Он уже чувствовал, как у него слипаются глаза – даже в таком оживленном месте. Ему казалось, что сквозь весь этот шум он слышит тихий зов лесов, где кипит тайная жизнь, что-то вынюхивая, прячась в норы и устраиваясь на покой среди корней деревьев и в подлеске. Опустив глаза и расставив локти, он пытался двигаться в одном ритме с толпой, которая напоминала какого-то многоголового зверя. Потом они свернули за угол, и мать остановилась.

– Вот вы где! – воскликнул возчик.

Глаза Саймона широко открылись, и мать сжала его руку. Возчик с гнусной ухмылкой смотрел на женщину; за спиной у него стоял ночной сторож с фонарем и длинным топором.

Мать Саймона отступила на пару шагов. Через пальцы мальчику передавался ее страх.

– Это те самые, о которых я вам говорил, – сказал возчик, не отрывая взгляда от женщины. – Я знаю, что вам нужно сообщать о незнакомцах.

– Мы не забираем нищих, – ответил ночной сторож.

– Они не нищие, – возразил возчик. – Они со мной.

Мать посмотрела на него и тут же отвела взгляд. Ночной сторож кивнул в ее сторону и спросил:

– Она беременна?

– Нет, – поспешно произнесла мать Саймона, поскольку знала, что никакому приходу не нужен лишний рот.

Ночной сторож смотрел на них со злобным прищуром. Глядя на сверкающее лезвие топора, Саймон размышлял о том, как далеко им удастся убежать. В одном городе его мать прогнали кнутом по улицам, в другом их преследовали с криками: «Лови! Держи!»

– У вас есть где остановиться? – осведомился ночной сторож.

– Они пойдут со мной, – возчик не дал матери Саймона ответить и решительно направился к своей повозке.

– Очень хорошо, тогда ступайте, – велел ночной сторож. – Только не дай бог церковному сторожу увидеть, как вы просите милостыню! Он прикажет вас высечь!

Возчик ничего на это не ответил, но натянул поводья, и лошадь тронулась с места, в знак протеста издав слабое ржание. Городской шум усилился, когда они медленно проезжали по улице. Саймон видел, как торговцы закрывают ставни своих лавок, а молочница несет полные до краев ведра. Крошечный мальчик в тонкой рубашечке бежал перед ними, а его мать звала пронзительным голосом: «Иоаким! Иоаким!» Телеги побольше, чем у возчика, загородили главную улицу возле рынка, и возчики приветствовали друг друга. Наконец они оказались на длинной улице, все дома на которой были разных размеров и как бы опирались друг на друга. Кто-то выплеснул из окна помой, и они чудом успели увернуться.

Затем возчик остановил свою лошадь и как-то странно взглянул на мать Саймона.

– Ну что же, леди, – обратился он к ней. – Отдавайте его обратно.

Женщина потупила взгляд. Саймон с удивлением посмотрел на возчика.

– Отдайте его, миссис, – повторил возчик. – Или я снова позову ночного сторожа.

Мать Саймона, не поднимая глаз, быстрым движением вынула кожаный кошелек и положила на сиденье. Схватив Саймона за руку, она вместе с ним прыгнула на землю.

– Считайте, что вам повезло! – сказал возчик, стегнув лошадь вожжами, так что она двинулась за ними. – Это место называют Канавой Повешенных!

Он проехал мимо, и грязь из-под колес повозки забрызгала юбки матери.

Мимо просвистел мяч, и один из мальчишек насмешливо посмотрел на мать с сыном. Женщина сжала руку Саймона.

– Пошли, – прошептала она.

На некоторых из домов имелась вывеска с изображением руки. Это означало, что здесь варят пиво. Мать Саймона робко постучалась в боковую дверь одного из них. Когда из дома вышла служанка, мать сделала перед ней реверанс.

– Да сохранит вас бог, миссис, – обратилась она к девушке. – Да благословит бог вас и вашу семью...

– Убирайтесь! – ответила та, захлопнув дверь.

– Миссис, – говорила мать Саймона возле следующего дома. – Я хорошая работница, очень выносливая, и нам не надо денег – только немного еды и место для ночлега.

Она поспешно отступила, когда женщина позвала собак.

– У вас доброе лицо, миссис, – говорила она в третьем месте, приседая в реверансе и устремив вверх искренний взгляд. – Счастливое лицо. Я могу предсказать вам судьбу по вашему лицу.

– Колдовство! – воскликнула женщина и перекрестилась, защищаясь от сглаза.

– Никакого колдовства, миссис, это Божий дар, – возразила мать Саймона и, сжимая его руку, поспешила по улице прочь и от этого дома.

Прошло более часа, и улицы почти совсем опустели, а мать с сыном так и не нашли прибежища. Усталой походкой они брели мимо ветхих пивных. Доносившийся из них запах баранины напоминал Саймону о том, как он голоден. Ему приходилось ждать, пока мать заходила в одну пивную за другой и быстро возвращалась, усталая и разочарованная. Саймону не нравились кабаки. От прогорклого запаха жира его тошнило, несмотря на голод, а крики и смех, доносившиеся изнутри, оглушали его. Он все время спрашивал мать, нельзя ли им теперь уйти, но она лишь качала головой. По-видимому, она решила остаться в городе.

– Снова ты! – заорал какой-то мужчина. – Куда это ты идешь, а?

Старуха, стоявшая в дверях, плюнула, когда они проходили мимо.

– Пошли ко мне домой, красотка, – предложил какой-то оборванный старик, покрытый язвами, и двое мальчишек в переулке захихикали.

Начался мелкий дождь, и мать Саймона накрылась вместе с ним синим одеялом.

– Мне здесь не нравится, – сказал Саймон, но мать ничего не ответила.

– Дауа! – произнес он, коснувшись ее лица. – Пошли.

Но мать только покачала головой и сказала, что здесь он должен говорить по-английски.

Они шли мимо других домов, на которых тоже была вывеска с рукой. Из одного доносились крики и пение, из другого выкатилось несколько мужчин, сцепившись в драке. Вместе с ними из пивной вырвалась целая толпа, и все они кричали на драчунов. Саймон с матерью метнулись назад, в тень ближайшего переулка. Из боковой двери выскочила женщина, пронеслась мимо них и врезалась в толпу.

– А ну-ка, расступитесь, пьяницы! – заорала она и, схватив бадью, стоявшую у входа, окатила водой двоих дерущихся мужчин, которые отпрянули друг от друга под хохот и насмешливые возгласы.

Эта женщина, маленькая и кругленькая, но свирепая, сгребла одного из них и как следует поддала ему ногой.

– Убирайся домой! – велела она драчуну, затем принялась за остальных.

– Это относится и к вам тоже! Вам должно быть стыдно. Как будто у нас и без этого мало неприятностей!

Вот так она несколько минут распекала их. Некоторые пересмеивались и подтрунивали над ней, но тем не менее один за другим, ворча, отступили.

– Ну вот, теперь мне придется опять набирать воду! – сказала женщина. – А я зуб даю, что водокачка закрыта.

С этими словами она подхватила бадью и поспешила на рыночную площадь.

Мать взглянула на Саймона и сжала руку, и они последовали за женщиной. Мальчик не понимал, зачем это нужно – разве что им все равно нечего было делать.

Рыночная площадь уже опустела. Лишь какой-то человек пристраивал доски для разделки мяса к грубым деревянным прилавкам, да старик с метлой неторопливо подметал мусор. В центре площади стояла высокая каменная колонна, а рядом с ней – деревянный пьедестал с лесенкой. Сверху были прикреплены колодки. Саймон отвел взгляд: он слишком много раз видел это орудие пытки в действии.

Голуби слетели с коньков крыш, чтобы поклевать мусор. Саймон ощутил, как у него покалывает в плечах, и руки поднялись, как крылья. Затем он услышал женский голос.

– Лейте, лейте, – сказала она. – Вы же еще не закрылись.

– Вы знаете правила, – ответил мужской голос. – Лишь столько воды в один сосуд, сколько может унести женщина.

– Но я ведь женщина, – возразила она. – А унести могу гораздо больше. Лейте еще!

– Вы уже здесь были один раз, – заметил мужчина.

Мать с Саймоном быстрым шагом пошли на звук голосов. Там, где соседняя улица упиралась в рыночную площадь, была водокачка, а рядом стоял на страже мужчина. Саймон увидел перед ним маленькую кругленькую женщину, пухленькую, как птичка. Светло-каштановые волосы выбились у нее из-под чепчика.

– Разве я не женщина? – игриво произнесла она, и мужчина, который был очень молод – не намного старше, чем Саймон, явно сконфузился.

– Это моя работа, миссис, – начал он, но она отвернулась от него, когда к ним приблизилась мать Саймона.

У женщины было маленькое острое личико, один глаз слегка косил. Она вытянула шею, словно ожидая неприятностей.

Мать Саймона остановилась на некотором расстоянии, наклонив голову. Молодой человек смерил ее взглядом, но она не подняла на него глаз.

– Да хранит вас бог, миссис, – обратилась она к женщине.

– И вас тоже, – ответила та, глядя на Саймона, который сейчас описывал руками круги, наблюдая за птицами.

– Мой мальчик хочет пить, – сказала мать.

– Нам здесь не нужны нищие, – сразу же отрезал молодой человек.

– О, забудьте хоть раз про вашу службу, Джонатан, ладно? – попросила его женщина, и он отцепил от передника металлическую кружку с длинной ручкой. – Дайте парню попить.

Казалось, Джонатан хочет возразить, но затем вздохнул и нажал на ручку насоса. Вода полилась в металлическую кружку, и женщина протянула ее Саймону. Мальчик начал жадно пить, потом передал кружку матери, которая допила воду и вытерла рот.

– Вам есть где остановиться? – спросила женщина, и мать Саймона отрицательно покачала головой.

– Я же вам сказал: нищие, – тихо произнес Джонатан. – Нас предупредили насчет них.

– Я могу работать, – поспешно вставила мать Саймона.

– Конечно, можете, – согласилась женщина. – И мальчик тоже – он ваш сын?

Мать Саймона кивнула, а сам он подбежал к тем птицам, что поближе, и вспугнул их.

– Дурачок, да? – сказала женщина, и мать Саймона напряглась.

– Он хороший сын, – начала она.

– О да, они всегда такие, – подтвердила женщина. – Похоже, он здоровый, сильный парень. И достаточно большой, чтобы носить воду. Так что не спорьте, – обратилась она к Джонатану, который открыл было рот. – Теперь тут две женщины и большой, сильный мальчик. Наполняйте мой бочонок.

– Вам бы нужно заглянуть к миссис Баттеруорт, – посоветовала она матери Саймона, – если вы хотите койку на ночь и работу утром. Я именно туда и направляюсь. Если мастер Джонатан пошевелится.

С раздраженным видом наполняя деревянную бадью, Джонатан пробормотал что-то о Правиле Лорда, но женщина уже не слушала его.

– Ты сможешь это унести? – спросила она Саймона, когда тот вернулся.

За прошедший год Саймон вытянулся и окреп. Теперь он был выше своей матери. Он взялся за бадью и, собравшись с силами, поднял ее. Она была тяжелой, но он бы никогда не признался в этом.

– Не знаю, что скажет констебль, – проворчал Джонатан.

Лицо женщины вспыхнуло.

– А я не знаю, что скажет ваш хозяин, когда услышит, что вы болтаетесь по тавернам, – отрезала она, и Джонатан густо покраснел, открыл было рот, но снова закрыл.

– Ступайте за мной, – сказала женщина и быстрым шагом пошла через площадь. Саймон, пошатываясь, побрел за ней. – Я мисс Берлоу, но все зовут меня Сьюзен. А вас как зовут?

– Миссис... Пеплоу, – ответила мать Саймона. Прежде она называлась другим именем и сейчас легонько дотронулась до сына, чтобы он запомнил. – Мари. А это мой сын, Саймон.

Сьюзен одарила его мимолетной дружеской улыбкой.

– Он похож на моего младшего брата, – сказала она. – Сколько ему лет? Двенадцать? Тринадцать?

Мари кивнула.

– Он вырастет высоким, не так ли? – добавила Сьюзен. – Сильные руки и ноги. Ну что же, я уверена, что мы найдем для него работу. Давай-ка ее мне. – Она забрала бадью у Саймона и, несмотря на свой небольшой рост, легко подняла ее.

Они вернулись на улицу, по которой шли раньше, и вокруг опять стало шумно.

– Лонг Миллгейт, – выдохнула Сьюзен.

Мужчины толпой переходили от одного кабака к другому, распевая во всю глотку. Сьюзен ловко пробиралась между ними, не переставая болтать.

– Лучше предоставьте мне вести переговоры, когда мы туда придем. Миссис Баттеруорт последнее время не в духе: ее должны оштрафовать в суде. Но вторая служанка, Пеги – ее сейчас нет – беременна, и нам всем несладко приходится. Так что работы уж точно хватает, коли есть охота; и, по крайней мере, мальчик может поднять бочку с водой. Верно, миссис? – обратилась она к сердитой старухе в дверях.

Та сидела на своем пороге, опустив подбородок на руку, и не ответила Сьюзен, продолжая смотреть перед собой бессмысленным взглядом и что-то бормотать под нос.

Сьюзен остановилась возле дома, где они впервые встретили Сьюзен. Это было самое запущенное здание из всех и ниже, чем соседние. Оттуда вырывались струи горячего воздуха и пахло чем-то жирным. Часть конька на крыше, по-видимому, провалилась внутрь, грязные освинцованные окошки были крошечными, в некоторых местах выбиты стекла. Густой дым валил из накренившейся трубы, а изнутри доносились хриплые голоса, горланившие песню.

– Заведение миссис Баттеруорт! – сообщила Сьюзен.

3

Девушка ввела их в дом. Дверь была такой низкой, что Саймон ударился головой о прилолку. Они сразу же попали в темноту, дым и гам. Проталкиваясь в тесноте, Саймон крепко держал мать за руку.

Пол был скользкий. Сюзен прокладывала себе путь локтями, покрикивая на посетителей пивной: «Прочь с дороги! Нечего распускать руки!»

Комната освещалась только большим очагом у дальней стены и двумя лампами в оконной нише. Хлопья сажи падали в огонь, и из очага шел дым, а поскольку все к тому же еще и курили, в комнате было очень душно. Один мужчина взгромоздился на стол и распевал «Перси Нортумберлендского». Это была известная песня, и несколько человек к нему присоединились. Сюзен повела Саймона с матерью через дальнюю дверь на кухню, где тоже горел огонь в очаге. Вокруг были развешаны почерневшие кастрюли, а над пламенем висел большой железный котел. Сюзен поставила бадью с водой на пол и помешала в котле деревянной ложкой.

– Я только схожу за хозяйкой, – сказала она. – Присядьте.

Саймон посмотрел на мать. Ему хотелось задать множество вопросов, главным образом насчет еды, но она лишь покачала головой, притоптывая в такт музыке. Саймон уже подумывал, не присесть ли ему, как вдруг услышал голос:

– Да уж, не очень-то ты торопилась!

Голос был грубый и низкий, совсем как мужской; но когда Саймон поднял глаза, он увидел массивную фигуру женщины, заполнившую дверной проем. На ней была синяя юбка, подвязанная на талии толстой веревкой, с которой свисала огромная связка ключей. Чепчик на голове отсутствовал, а темные волосы были распущены. Сквозь массу волос, свисавших на лицо, Саймону удалось рассмотреть лишь два черных глаза, пристально глядевших на него. Сюзен вошла вслед за нею в комнату; рядом с хозяйкой она выглядела как воробышек подле большой жирной гусыни. Женщина резко остановилась в нескольких шагах от него с матерью.

– Кто это? – спросила она Сюзен, не сводя глаз с Саймона и Мари.

– Новые работники для вас. Это миссис Пеплоу, – мать Саймона присела в низком реверансе, – и ее сын, Саймон.

Мари дергала Саймона за руку до тех пор, пока он не сообразил поклониться. Но на женщину это не произвело впечатления.

– Гм-м-м! – произнесла она.

Из другой комнаты послышался возмущенный голос:

– Все пиво высохло, что ли?

Миссис Баттеруорт повернулась и так рявкнула, что задребезжали все кастрюли.

– Придержи своих лошадей, понял? У меня всего одна пара рук! – Затем она обернулась к Сюзен и приказала:

– Выстави их отсюда. – И она направилась было в зал пивной.

– Погодите минутку, – взмолилась Сюзен. – Они здесь, чтобы помочь нам. Мы же совсем сбились с ног за эту неделю. Только не говорите, что в доме нет работы!

До них снова донесся мужской голос:

– Что же ты за трактирщица, если не можешь подать пиво?

– Этот не отлепится от пивной кружки даже в аду, – заорала миссис Баттеруорт и перенесла свою тушу через порог, кивнув в сторону Саймона с матерью: – Чтобы их тут не было, когда я вернусь!

Мать Саймона повернулась к дверям, собравшись уходить, но Сюзен схватила большой засаленный передник.

– Вот, – обратилась она к матери Саймона, – надевайте.

– Но... ваша хозяйка, – возразила Мари.

– Не обращайтесь на нее внимания! Я стерла ноги, работая всю неделю за троих. Если она воображает, что я собираюсь продолжать в том же духе, то ошибается. Эй, послушай-ка! – обратилась она к Саймону. – Ты можешь разложить жаркое в миски?

Саймон взглянул на мать, та кивнула, и Сьюзен вручила ему другой передник.

– Пошли со мной, – сказала она Мари, и они исчезли в зале, где было полно посетителей.

Саймон был очень голоден. С минуту он постоял, глядя им вслед, потом взял котелок и поварешку. Он попытался хлебнуть варево, но оно было слишком горячим. Осторожно размешав жир, он вылил в миску целую поварешку комковатой жидкости. От этого она переполнилась, и варево перелилось через край. Он вытер миску пальцем и облизнул его. И тут снова появилась Сьюзен.

– Не так много, – объяснила она. – Смотри, я тебе покажу. – И она вылила пол-ложки в пустую миску, затем взяла поварешку и добавила туда воды. Саймон наблюдал за ней.

– Это охладит варево, – сказала она и, подмигнув ему, вышла из кухни, захватив сразу три миски.

– Нарезь-ка хлеб, – попросила она, снова вернувшись. – Не такими толстыми ломтями, – добавила она и, показав, как тонко резать буханку, положила половину куска в миску с похлебкой.

Саймон нарезал хлеб и раскладывал варево по мискам, в то время как Сьюзен с Мари носились взад-вперед, разнося их посетителям. Он ухитрился не порезать пальцы и даже отведал жаркого с хлебом, когда никто его не видел. Когда Сьюзен приносила из зала пустую посуду, она просто вытирала ее хлебной корочкой и передавала Саймону, чтобы он снова наполнил. Когда жаркого стало мало, она долила котелок водой из бочки. Один раз в дверях появилась миссис Баттеруорт и пристально на него посмотрела – хорошо, что он успел вытереть рот.

– Ты все еще здесь? – рявкнула она.

Саймон не знал, что на это ответить. Миссис Баттеруорт сердито взглянула на Мари, которая вместе со Сьюзен показалась у нее за спиной.

– Она беременна? – спросила хозяйка точно таким же тоном, как ночной сторож.

– Она выглядит беременной? – удивилась Сьюзен, потому что мать Саймона была тонкой, как тростинка. – Уж если кто из нас и похож на беременную, так это вы, – пробормотала девушка, выразительно взглянув на большой, круглый живот миссис Баттеруорт.

– Я не собираюсь кормить тут чужих детей, – заявила миссис Баттеруорт, метнув яростный взгляд в сторону Саймона, в то время как Мари последовала за Сьюзен в зал. – Эй, ты, – обратилась хозяйка к мальчику. – Иди сюда.

Она исчезла за маленькой дверцей в дальнем конце кухни, и оттуда послышалась раздраженная ругань. Потом дверь резко распахнулась.

– Ну давай же, помоги! – крикнула миссис Баттеруорт.

Саймон выронил разливательную ложку, которая со звоном покатила по полу, и поспешил на помощь. Миссис Баттеруорт поднимала бочку по лестнице из подвала. Саймон тщетно попытался протиснуться мимо нее. Она немного посторонилась и встала за бочкой, сверля мальчика сердитым взглядом. Наклонившись, Саймон взял за бочку обеими руками. Она оказалась тяжелой, но он был сильным. Его мать всегда говорила, что он не сознает свою собственную силу. Он потянул бочку вверх, и она захрохотала по ступенькам, и, стукнувшись о косяк, прошла в дверь. У миссис Баттеруорт был такой вид, словно ей хотелось сказать что-то ядовитое, но она лишь молча протиснулась мимо мальчика.

– Ну, вот она и на месте, – сказала она.

Саймон подтащил бочку к входу в пивной зал, но хозяйка рявкнула: «Оставь ее!» Миссис Баттеруорт покатила ее дальше ногой, и они вместе с бочкой исчезли за дверью. Хозяйка не

вернулась. Через минуту Саймон поднял с пола разливательную ложку, вытер ее о свои штаны и продолжил раскладывать жаркое. Мари пробежала мимо и легонько дотронулась до руки Саймона, чтобы показать, что она им довольна.

Прошло немного времени, и в трактире возникла суматоха, а в дверях кухни появилась Сьюзен.

– Это Черный Джек из Энкоутса, – понизив голос, объяснила она матери Саймона, которая помогала сыну нарезать остатки хлеба. – С ним всегда одни неприятности, он... Не обслуживай его, я сама с ним разберусь.

Саймон взглянул на мать, и она похлопала его по плечу, успокаивая, и понесла в зал еще две миски. Оттуда сразу же послышались взрывы хохота. Саймон уронил ложку в котелок с жарким и поспешил к дверям.

Какой-то мужчина с косматой бородой стоял спиной к очагу. На голове у него была повязана черная косынка, как у пирата. Рядом с ним стояли еще несколько человек, и вокруг них образовалось свободное пространство.

Он озирался, как будто выискивая, к кому бы прицепиться.

– О, да это же мастер Хэншоу! – воскликнул он, глядя на человека постарше, с редкими волосами. – Вы еще не стерли себе колени, молясь в вашей потайной часовне? – А когда старик не ответил, мужчина в черной косынке продолжил: – А, Роберт Кэппер – ты по-прежнему прячешь священника в той дыре?

Человек помоложе собрался было ответить, но его остановил другой посетитель.

– Миссис Баттеруорт! – вскричал Черный Джек. – В вашем трактире полно папистов!

Хозяйка прошла мимо него, толкнув деревянным подносом.

– Как будто тебе не все равно, безбожник, – ответила она, а когда Черный Джек с друзьями громко засмеялись, заявила: – Только начните тут мутить воду, сразу же вылетите! Вы меня слышите?

Черный Джек и его компания пробурчали в ответ что-то нечленораздельное и, взяв с подноса кружки с элем, уселись за стол у очага. Черный Джек достал из мешочка кости, и они начали играть в бабки, ударяя по маленькому черному шарик на полу. Зеваки наблюдали за игрой, некоторые отворачивались.

Сьюзен поспешила к Саймону, и он быстро ретировался на кухню.

– Где миски? – спросила она. – Давай-ка, поторапливайся!

Саймону хотелось, чтобы рядом была мать, но она исчезла в людном зале. Он обжег пальцы, вылавливая из жаркого ложку, которую уронил в котел. Сьюзен досадливо вытерла ручку грязным полотенцем. Потом у него кончились миски, и Сьюзен, взяв буханку черствого хлеба, показала ему, как отрезать корку и сделать из нее плоску. Он занялся этим, но когда Сьюзен возвращалась в зал, он следовал за ней до двери, пытаясь найти взглядом мать. Наконец Мари вернулась на кухню, и он вцепился в ее передник, но она отстранила мальчика.

– Мне нужно работать, – сказала она, улыбаясь и хмурясь одновременно.

Саймон поспешил за ней, чтобы понаблюдать за залом с порога. Сьюзен обслуживала Черного Джека, но когда мать Саймона проходила мимо их компании, один из них обнял ее за талию.

– А это еще кто? – заорал он. – Новая служанка?

Мари, придерживая миски с жарким, попыталась увернуться, но тут поднялся Черный Джек. Он ухватил чепчик, который заставила ее надеть Сьюзен.

– Сними-ка свой чепчик, красотка, – велел он.

Саймон рванулся вперед, потом огляделся в поисках оружия. Единственное, что он увидел, – это нож на столе. Мать приказала ему никогда не братья за нож. «Его обратят против тебя», – объяснила она. Пальцы Саймона на миг замерли, потом схватились за рукоятку, и он ринулся в пивной зал.

– Оставь ее в покое, – говорила Сьюзен. – Ты же не знаешь, где она побывала.

– Да, зато я знаю, где я бы хотел с ней оказаться, – ответил мужчина.

Мать Саймона изо всех сил отбивалась от Черного Джека. Ее красивые темно-рыжие волосы разметались по плечам. Она потянулась за своим чепчиком, но Черный Джек отодвинул руку, чтобы ей было не достать. Саймон знал, что если из-за них в трактире вспыхнет ссора, их вышвырнут на улицу, и все же ринулся к матери. Но не успел он добежать до очага, как массивная фигура миссис Баттеруорт заслонила свет. Она закатила хорошую оплеуху мужчине, удерживавшему мать Саймона.

– Разве мало было в этом доме неприятностей и без тебя? – загремела она. – Я не стану обслуживать буянов. Либо сядь на место, либо выметайся! – А когда мужчина собрался было дать сдачи, она пролаяла: – Сядь, если хочешь еще эля.

Мужчина сел, что-то ворча себе под нос, а Мари вырвала свой чепчик у Черного Джека. Миссис Баттеруорт повернулась к ней, и Саймон подумал, что сейчас она прикажет его матери убираться из кабака, но тут кто-то крикнул: «Здесь менестрели!» Толпа раздвинулась, освобождая место, и три человека с музыкальными инструментами прошли к очагу.

– Песню! – завопил Черный Джек и начал вместе со своими друзьями стучать кулаками по столу.

Мать Саймона надела чепчик, потом выпрямилась и застыла на месте, когда менестрели заиграли один за другим. Очаг отбрасывал желтоватый отблеск на ее бледное лицо, пряди волос выбились из-под оборок. Лютнист кивнул ей, и в его глазах читался вызов. Мари колебалась, а потом запела тихим хрипловатым голосом – точно так же, как много раз пела вместе с Саймоном на рынках и в трактирах, или в зале у какого-нибудь великого лорда.

Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним – темно-красный шиповник...¹

Мари пела вместе с менестрелем. В трактире стало тихо. Все лица обратились к певцам. Кто-то вынул изо рта деревянную трубку и отбивал такт, заданный лютней, маленьким барабаном и свистулькой.

Кусты разрослись и ветвями сплелись,
И в мае цветут они оба.

Саймон смотрел на мать, и Черный Джек тоже не сводил с нее свои змеиные глазки. Казалось, от нее исходит свет, он затопил всю комнату, и к концу песни все присоединились к поющим.

И шепчут они, что лежат в их тени
Два друга, любивших до гроба!

Когда Мари закончила, все потребовали еще песню, но миссис Баттеруорт возразила:

– Хватит! Вы хотите всю ночь мешать моим служанкам работать?

И Саймон понял, что мать победила, и они здесь остаются.

¹ Народная баллада «Трагедия Дугласов» в переводе С. Маршака.

4

Саймону казалось, что ночь никогда не закончится.

– Когда они уйдут? – спросил он мать, имея в виду посетителей.

– Мы остаемся открытыми до тех пор, пока не закроемся! – отрезала миссис Баттеруорт.

И трактир действительно не закрылся до тех пор, пока из него не вышел последний посетитель, пошатываясь и горланя песню. А когда Саймон окинул взглядом пивной зал, то увидел на полу два-три бесчувственных тела.

– Я их не выношу отсюда, – пояснила миссис Баттеруорт, пнув ногой одного из них, который даже не шевельнулся. – Сами уйдут утром.

Сьюзен отвела Саймона в крошечную мансарду, не больше шкафа, находившуюся на верхней площадке темной лестницы. Перила были сломаны, две ступеньки сгнили.

– И пусть никуда не суется! – зарычала им вслед миссис Баттеруорт. – Мне ни к чему, чтобы он по ночам рылся у меня в сундуках.

– Не обращай внимания, – прошептала Сьюзен. – Завтра ей нужно идти в суд, и ее наверняка оштрафуют. Вот почему она в таком скверном настроении.

Саймон не знал, что такое Корт Лит, но не стал спрашивать. Он огляделся в крошечной комнате, пока Сьюзен расстилала мешковину на деревянном топчане. На полу стояли коробки с тканями и тарелками, старые кувшины, от которых как-то странно пахло, и ящик с яблоками. Где же будет спать его мама?

– Твоя мама спит в моей комнате, со мной, – сказала Сьюзен, словно прочитав его мысли. – Я тебе покажу, если хочешь. – Она дотянулась до крошечного разбитого окошка в потолке и заткнула его тряпками. – Лучше не бродить одному в темноте, хорошо? – посоветовала она, проходя мимо него к двери. – Лестница очень старая.

У Саймона и не было намерения бродить по дому в темноте, но он впервые в жизни ночевал отдельно от матери. Шесть ступенек отделяли мансарду от комнаты, в которой ночевала Мари вместе с Сьюзен. Она была едва ли больше его чердака, но на полу лежал соломенный матрас, достаточно большой, чтобы на нем поместились двое. Женщина, склонившаяся над матрасом, выпрямилась при виде сына. Саймон бросился к ней, и она дотронулась до его лица.

– Саймон, – сказала она, – теперь у тебя есть своя собственная комната!

Она ободряюще улыбнулась сыну, но вид у нее был усталый. Что-то сжалось в животе у Саймона.

– С тобой, – произнес он на цыганском языке, но она ответила по-английски:

– Тебе там будет чудесно.

– Конечно, будет, – сердечным тоном подхватила Сьюзен. – Такой большой мальчик! Ты же знаешь, что не можешь всю жизнь спать в комнате вместе с мамой.

Саймон не отрывал взгляда от двери. Мать взяла в руки синее одеяло, которым они укрывались в лесу.

– Пошли, – обратилась она к сыну и повела его обратно в мансарду.

Скатав одеяло, она положила его в изголовье деревянного топчана.

– Спи, – велела она, погладив его по голове.

Саймон лег на топчан и уткнулся лицом в шерстяную ткань. Она пахла мамой, и в этом было хоть какое-то утешение. Ему казалось, что ночь будет бесконечной.

Мать присела рядом. Она гладила его по волосам и шепотом рассказывала историю о Белке и Лесном Принце, которого может одолеть лишь цыган. И Саймон вспомнил, как поймал белку, и они ее съели, и как это было хорошо. Потом мама спела ему своим тихим нежным голосом песню о последнем цыгане, а когда ей показалось, что сын уснул, на цыпочках вышла из мансарды.

Как только она ушла, Саймон сел на постели. Его окружала кромешная тьма, не имевшая ничего общего с темнотой леса или поля. Он осторожно вытянул руку и на ощупь обошел стены комнаты, чтобы познать темноту пальцами. Он ощупал все коробки, пока не нашел яблоки. Они были коричневатые, подгнившие – последний осенний урожай – и годились только на сидр или маринование. Миссис Баттеруорт сказала, что он не должен их трогать, но Сьюзен позволила ему съесть парочку, если захочется. Сейчас он съел одно, вместе с горьковатой коричневой мякотью, сердцевинкой и хвостиком, ничего не оставив. Потом он начал рассматривать покатую крышу и окошко, которое Сьюзен заткнула тряпками. Однако в комнату все равно проникал холодный ветер, а также городской шум, который, по-видимому, никогда не затихал. Он слышал, как ночной сторож звенит своими колокольчиками, отмечая время; как разгружают баржи и проходят люди, везя бочки с нечистотами, чтобы опорожнить их в реку; как ржут лошади; хрюкают и визжат свиньи; лают собаки и горланят песни припозднившиеся пьяницы.

Где-то, за всеми этими звуками, призывно шумел лес. Можно было выбраться через окно и сбежать по крышам домов – туда, к деревьям. Но он бы никогда не ушел без матери.

Он замерз, и у него не было свечи. Саймон осторожно подошел к двери и дотронулся до нее кончиками пальцев. Она открылась со скрипом, и он на минуту замер, затаив дыхание. Даже на таком расстоянии он слышал громкий храп Сьюзен и кашель миссис Баттеруорт, доносившийся с нижней площадки. У нее была своя комната с очагом, в которой она жила одна. На том же этаже располагались две комнаты для гостей. Под ними были кухня с маленьким погребом и пивной зал.

Саймон спустился по лестнице, припоминая, где располагались сгнившие ступеньки. Он научился бесшумно передвигаться в лесу, где были волки, медведи и охотники, и красться так, чтобы не хрустнула ни одна ветка. Сейчас он стоял за дверью матери, прислушиваясь к храпу Сьюзен. Ему очень хотелось улечься рядом с мамой, но поскольку Сьюзен спала в той же постели, то вряд ли бы это ей понравилось. Вместо этого он прижал к двери пальцы и тихонько соскользнул на пол. Утром его нашла мать – он привалился к двери, замерзший, с онемевшими руками и ногами. Она долго отогревала его в своих объятиях. Сьюзен чуть не растянулась, споткнувшись о них обоих.

– Что это такое? – спросила она, но Мари ничего не ответила.

Сьюзен прошла мимо них, что-то бормоча себе под нос. Она вернулась с тазом, наполненным водой.

– Лучше умойтесь-ка и приведите себя в порядок, – посоветовала она. – Сегодня миссис Баттеруорт идет в суд, так что дом остается на нас.

5

Миссис Баттеруорт сняла башмаки с фламандского ткача, все еще лежавшего на полу пивной, и протянула их Саймону.

– Они тебе пригодятся, – сказала она.

Саймон удивленно рассматривал ботинки, не понимая, как их надеть, пока она не фыркнула от возмущения.

– Вы только посмотрите на этого недотепу! Их надевают на ноги, а не на руки!

Саймон никогда в жизни не носил обувь, и ступни ног у него были жесткие, как подошва. Но он надел эти башмаки и неуклюже подошел к Сьюзен.

– Не обращай на нее внимания, – шепнула Сьюзен. – Ее только что оштрафовали. «За то, что в доме разгул», – так они сказали. Она будет не в духе всю неделю. – И добавила для матери Саймона: – Говорят, настоятеля выдворили из здания. Каждый раз, как он появляется, происходит мятеж.

По-видимому, ее слова удивили Мари.

– Но разве он не отвечает за церковь и школу? – спросила она. – Как же люди могут его выдворить?

– Предполагается, что отвечает, – сказала Сьюзен, поднимая бочонок. – Но он слишком занят своими заклинаниями и чарами. Продает душу дьяволу. Говорят, ему больше ста лет. Я не обращаю никакого внимания на эти слухи, но...

Саймон больше ничего не слышал. Он пытался справиться со своими башмаками на деревянной подошве, которые решительно не хотели идти в ту же сторону, что его ноги.

Миссис Баттеруорт, как обычно, разносила эль. Ее раскатистый смех звенел в зале, но на кухне она, как и предсказывала Сьюзен, была мрачнее тучи и уже дважды угостила Саймона оплеухами.

Она накричала на него за то, что он забыл принести бочонки из погреба. Потом, пока он тащил их наверх, пригорели ячменные зерна, которые жарились во флигеле, и она снова разоралась.

– Пошевеливайся! – гремела она, и Саймон стоял, не понимая, что значит «пошевеливаться».

Она говорила и другие вещи, которые он не понимал, например: «Придержи своих лошадей», когда он пробежал мимо нее во двор. Саймон озирался вокруг, но не видел никаких лошадей.

– Посмотри на этот хлеб, – сказала она позже, когда было совсем мало посетителей. – Нужно, чтобы его весь съели. – И Саймон съел, сколько мог, а остатки бросил в корыто для свиней. Но когда миссис Баттеруорт вернулась, она посмотрела на него, как на полоумного.

– Я говорила, чтобы весь хлеб съели посетители! – заорала она и долго распекала Саймона, так что он перестал прислушиваться к словам и только смотрел на ее рот.

Это привело хозяйку в бешенство, и, назвав его деревенским дурачком, она замахнулась на мальчика поварешкой, но мать оттащила его назад.

– Я не бью его, – заявила она, и тогда миссис Баттеруорт разразилась тирадой уже в ее адрес, пока не вмешалась Сьюзен.

– Может быть, хватит? – воскликнула она. – Пусть ваш язык отсохнет, а то у вас уже искры сыплются из глаз!

Она единственная осмеливалась говорить с миссис Баттеруорт в подобном тоне, и, казалось, та не находила слов в ответ. С минуту она сверлила Сьюзен злобным взглядом, но сказала лишь:

– Сходи за свиньей.

Саймону нравилась эта свинья, которую он называл Матильдой. Она была черно-коричневая, вислоухая, со щетиной на спине и очень недовольным видом. Когда ее выпускали из свинарника, она с визгом носилась по двору и рылась в куче мусора, выискивая овощные очистки. А когда Саймон протягивал ей яблоко, она тыкалась теплым рылом ему в руку. В то утро он вместе с Сьюзен отвел ее к пастуху, он выводил всех свиней города на пастбище в Коллихерст Коммон. Теперь Саймону нужно было забрать Матильду домой.

Саймон пробежал мимо всех трактиров Лонг Миллгейт. На улице, вопреки обыкновению, было спокойно – только люди из церковной коллегии звонили в колокольчик и просили милостыню для бедных, да кто-то разгружал повозку.

Дойдя до перекрестка Лонг Миллгейт и Тоуд-лейн, он услышал рожок пастуха и хрюканье, визг и топот сотен свиней, возвращавшихся в город. Он поспешил им навстречу, чтобы отвести Матильду во двор, где она еще может свободно побегать.

Пастух, который был едва ли старше Саймона, лишь кивнул, когда Матильда отделилась от стада, и снова начал дуть в рожок, давая знак людям, чтобы они забирали своих свиней. Саймон подумал о том, какая это хорошая работа – пасти свиней. Он начал легонько подгонять Матильду палкой, но она не обращала на него внимания и ковырялась в грязи, переворачивая носом веточки и мелкие камешки. Он видел, что она ищет темные буковые орешки. Он снова стегнул ее, на этот раз сильнее, и она пустилась бегом.

Саймону не нравилось слишком сильно бить свинью, но ему нужно было гнать ее очень быстро, иначе она начала бы бегать по городским улицам, что было запрещено. Он шагал за ней, хлопая по задку палкой. Иногда свинья неожиданно останавливалась, так что он чуть не падал на нее.

Свернув на Лонг Миллгейт, Саймон остановился при виде людской процессии. Эти люди были в черном, некоторые в доспехах и железных шлемах, и они распевали псалом. Их предводитель переходил от двери к двери, стучась, как констебль, и выкрикивал: «Сегодня Воскресенье! Воскресенье Господне уже началось!»

Когда они проходили мимо пьяного, которого шатало с одной стороны улицы на другую, один из людей в броне поставил его на колени, а предводитель, низенький бледный человек, худой, как щепка, рявкнул на него:

– Ты знаешь молитву «Отче наш»? Можешь ее прочитать? Какова Седьмая заповедь?

Но голова пьяного только моталась из стороны в сторону, а рот открылся, и вид у него был самый дурацкий. В конце концов коротышка оставил его в покое, презрительно фыркнув.

– Эти люди обречены, – сказал он.

Саймон посторонился, придерживая Матильду за обвислое ухо, когда процессия переходила через улицу. Он вжался в какую-то дверь, когда этот человек оглянулся на него, и задрожал под взглядом бледных, тусклых глаз. Если бы они остановили Саймона, он бы не знал, что делать. Но предводитель продолжил стучать в двери пивных.

– Помните про Христово Воскресенье! – кричал он.

А его последователи восклицали: «Аминь!»

Как только эта странная процессия удалилась к Канаве Повешенных, Саймон понесся к миссис Баттеруорт и всю дорогу бежал – на случай, если эти люди постучатся туда.

– Им пришлось бы об этом сильно пожалеть, – заявила миссис Баттеруорт, когда Саймон рассказал, что видел.

– Это просто позор, – возмутилась Сьюзен. – Почему они не могут заниматься своими собственными делами?

– А зачем им это, – вмешалась мать Саймона, стоя к ним спиной, – если они могут заниматься чужими делами и отравлять другим жизнь?

– Армия Бога – вот как они себя называют, – сказала Сьюзен, и миссис Баттеруорт презрительно хрюкнула, совсем как свинья. – Говорят, их главный, Роберт Даун, читает проповеди в лесах и полях.

– Может быть, деревья и станут его слушать, – заметила миссис Баттеруорт, обгладывая куриную ножку, – а больше никто.

Сьюзен покачала головой. Она рассказала им, что ее недавно навестила Матушка Ортон, прорицательница, которую некоторые называли ведьмой из-за того, что у нее были кошки, а еще из-за длинных волос на подбородке. Матушка Ортон когда-то была ворожеей в своей деревне, а теперь жила в хижине около Коллихерст Коммон. Люди ее побаивались, но тем не менее советовались с ней относительно погоды и своих любовных дел. А когда она подходила к дверям и просила еды, считалось неблагоприятным прогонять ее.

– Она сказала, что Мартин освободится через двенадцать месяцев, – с самодовольным видом сообщила Сьюзен. Мартин был подмастерьем дубильщика, а его скупой хозяин не позволял парню жениться. – И что у нас будет трое детей.

– Тогда вам бы лучше поторопиться, – поддела ее миссис Баттеруорт. – Скоро вы будете староваты для такого дела.

Сьюзен бросила на нее сердитый взгляд:

– Вообще-то ее вызвали в дом миссис Таппер, знаете – это жена торговца шелком и бархатом. Ее младший сын заболел. У него начался приступ, как раз когда они собрались в церковь, и он кричал, что не пойдет. А когда об этом прознали Роберт Даун со своими приспешниками, они на неделю привязали беднягу к кровати, а сами стояли вокруг, распевая псалмы и вдывая ему в нос уксус, чтобы изгнать дьявола.

– Один вид этой своры кого угодно изгонит, – проворчала миссис Баттеруорт.

– Они изгонят нас, если сюда придут, – заметила Сьюзен, а миссис Баттеруорт ответила, что она хотела бы на это посмотреть.

Мать Саймона молчала; волосы падали ей на лицо. Однако Саймон понимал, что она расстроена. Ему хотелось утешить ее, но миссис Баттеруорт не любила проявлений нежности. «Хватит лизаться», – говорила она.

Но теперь он ощутил тревогу матери, и, когда миссис Баттеруорт поднялась наверх, а Сьюзен отправилась в курятник, он сказал:

– Дауа, давай уйдем.

Он заговорил на языке цыган, которым не должен был больше пользоваться, и мать недовольно взглянула на него, но ничего не сказала.

– Почему мы здесь остались?

– А куда же нам идти?

– Куда угодно, – ответил Саймон, широко раскинув руки, как будто хотел обнять леса, реки и горы; дороги, по которым они путешествовали, и все, что они видели. Но мать казалась больной и усталой.

Со двора вернулась Сьюзен.

– Ни одного яичка, – сообщила она, потом бросила на мать с сыном любопытный взгляд. – О чем вы говорите? – спросила она. – Что значат эти слова?

Мари поспешно послала сыну отчаянный взгляд, но он ответил:

– Это цыганский язык.

Сьюзен села, вытирая руки о передник.

– Вы на самом деле цыгане? – спросила она. – У вас кожа обычная – по крайней мере, парень темнее тебя, но у нас в деревне останавливались цыгане, и некоторые были черны, как сажа.

Мать Саймона долго не отрывала от Сьюзен глаз, затем потупилась.

– Мой отец был ирландцем, – объяснила она. – Он приехал сюда в тот год, когда был голод, в поисках работы...

Мало-помалу она рассказала свою историю, и время от времени Саймон ее перебивал. Ее отец и сестра умерли от голода в канаве, а она сидела рядом с ними под дождем и ждала, когда они проснутся. Вскоре мимо в своих разноцветных кибитках проезжали цыгане, и они сжалились над ней, хотя она не была цыганкой. Ее взяли в кибитку Розы. Роза называла себя Цыганской королевой. Она умела предсказывать судьбу и лечить болезни – даже сердечные недуги. У нее было одиннадцать дочерей и сын по имени Тобин, который был немного старше Мари. В то время девочке не было еще и пяти лет.

Жизнь цыган была тяжелой, особенно у женщин, которые трудились, как рабыни: рубили дрова, шили одежду, стряпали; ухаживали за детьми и животными, старыми и больными, а еще изготавливали разные вещи, которые продавали на деревенских ярмарках. Труднее всего приходилось зимой, когда их гнали из одной деревни в другую, поскольку ни один приход не желал, чтобы они разбивали лагерь на его земле.

Мари и Тобин стали неразлучными, и она научилась у него бесшумно преследовать животных в лесу, лазать по деревьям или прятаться, задерживая дыхание под водой дольше минуты, а еще – выманить птиц с деревьев, а кроликов и кротов – из их нор. У Розы она научилась петь и танцевать, стряпать и шить, предсказывать судьбу и произносить цыганские заклинания.

Потом настало время, когда все цыгане направились на север, поскольку король Шотландии обещал дать им в собственность землю. Они разбили лагерь в лесу под Эдинбургом. Утром Мари услышала какой-то шорох в кустах. Она неслышно последовала в ту сторону, надеясь добыть пищу, и все дальше углублялась в лес, но никак не могла найти зверька, шумевшего в кустах. Наконец она поняла, как далеко забрела, и поспешила назад, ища свои следы там, где прошла раньше: сломанную веточку или примятую траву. Но когда наконец она вышла на поляну, то застыла на месте от ужаса. На каждом дереве висели цыгане, которых она знала и любила: Роза и одиннадцать ее дочерей, и их мужья, и даже их дети. А на последнем дереве висел Тобин. Руки связаны за спиной, штаны спереди испачканы.

Мари лежала на твердой земле, не в силах подняться. Но вдруг повалил снег, хотя был апрель, и дух Розы сошел с дерева. Она подняла Мари и прижала руку к ее животу. Мари видела след от веревки у нее на шее.

– Он последний из моего рода, – сказала Роза, и Мари впервые узнала, что носит под сердцем Саймона.

Она упала на колени, и ее рвало до тех пор, пока в желудке не начались судороги. И тогда она медленно поднялась на ноги, не в силах заставить себя еще раз взглянуть на ужасные трупы. Потрясенная и окоченевшая, она направилась на юг, прочь из лесов. Когда Мари сомневалась, в какую сторону идти, ее направлял дух Розы; а когда она постучалась в дверь, куда привела ее Роза, ей дали поесть.

Миновали весна и лето, погода снова ухудшилась. Когда пришло время рожать, Роза привела ее в сарай. Там, корчась от родовых мук, она увидела не только Розу, но и Тобина, который ей улыбался. Они были с ней, когда Мари перекусила пуповину, обтерла Саймона и накормила его. Потом медленно потянулись месяцы, и больше она не видела Розу. Были только она и Саймон.

Сьюзен и мальчик сидели молча, когда женщина закончила свой рассказ. Саймон чувствовал печаль матери, которая изливалась вместе с воспоминаниями – она была глубокая, как вода в реке. Сьюзен издала долгий вздох.

– Да, как это грустно, – прошептала она и снова вздохнула.

А потом сказала:

– Я не знала, что ты умеешь предсказывать судьбу. Что ты про меня скажешь?

Мать Саймона натянуто улыбнулась.

– Не всегда хорошо знать наперед, – заметила она.

– Ну что же, я не расстроюсь, – заверила ее Сьюзен. – Что ты используешь – соль?

Мари покачала головой. Немного поколебавшись, она велела Саймону принести воды в миске.

– У тебя есть монетка?

Мари завязала монету в тряпочку, а потом опустила в миску с водой. Немного погодя женщина развязала узелок, и муслин всплыл на поверхность. Все трое стали пристально вглядываться в миску, но Саймон видел лишь отражение их голов, освещенное свечой.

– Я вижу дом, – медленно сказала мать Саймона. – Этот твой дом. И Мартин тоже здесь.

– Он пришел, чтобы жениться на мне, – с волнением предположила Сьюзен, но мать Саймона покачала головой.

– Он уезжает, – сказала она. – А ты не поедешь с ним. Ты выгонишь его.

Она оттолкнула миску, потом потрясла головой, как будто хотела, чтобы исчезло все увиденное.

– Нет, мне это не нравится, – заявила Сьюзен. – С какой стати я его выгоню?

Мари ничего не ответила, а Сьюзен встала и налила воды из кувшина в горшок, в котором обычно стирала. Саймон видел, что ей не по себе.

– Может быть, ты видишь не мое будущее, а? – осведомилась она, снова усевшись, и, не дав матери Саймона заговорить, продолжила: – А как насчет Саймона – ты можешь увидеть его будущее?

– Нет, – слишком поспешно ответила мать Саймона.

– О, пожалуйста, – попросила Сьюзен, но Саймон знал, что мать не станет это делать: он уже просил ее об этом раньше.

– Не все можно разглядеть, когда гадаешь на родственника, – пояснила мать.

– Ну ладно, – сдалась Сьюзен, широко зевнув. – Уже поздно. А утром идти в церковь.

Мать Саймона вопросительно взглянула на нее.

– Нам придется идти, – сказала Сьюзен. – Если миссис снова оштрафуют, кончится тем, что она окажется в колодцах.

6

Как и предсказывала Сьюзен, миссис Баттеруорт настаивала, что все они должны идти в церковь.

Мари, не прекращая чистить горшок, ответила, что ей бы не хотелось.

– Я не спрашиваю, хочется ли тебе этого, – отрезала миссис Баттеруорт. – Я не буду платить еще один штраф!

– Все в порядке, – вмешалась Сьюзен, стискивая руку Мари. – Тебе не придется причаститься. Мы можем выскользнуть из церкви до этого и начать подавать эль.

Церкви – это опасное место, мать Саймона всегда так говорила. Людей судили по тому, посещают они церковь или нет, и выказывают ли достаточно набожности во время службы. В церкви они будут на виду у правителей города: членов городского магистрата, церковного старосты и констеблей. Если они пойдут в церковь, то больше не смогут притворяться, будто они остановились здесь лишь на время.

Но не посещать церковь – это грех и преступление. И это преступление – измена, ибо с тех пор, как прежний король ввел новую Церковь, те, кто не ходил на службы, считались виновными в измене. Наказывали штрафами, а тех, кто не мог заплатить штраф, секли. И если они по-прежнему отказывались ходить в церковь, их могли посадить в тюрьму Нью-Флит, конфисковать все имущество, бить и морить голодом до тех пор, пока они не согласятся принять причастие.

– Ведь ты же не папистка? – шепотом спросила Сьюзен у Мари, но та покачала головой.

– У меня нет никакого вероисповедания, – ответила она.

Сьюзен как-то странно на нее взглянула, но сказала лишь:

– Значит, для тебя это не имеет значения.

Саймон не знал, откажется ли его мать идти в церковь, но надеялся, потому что ему хотелось уйти из города.

– Да, мы пойдем, – сказала она, кивая с таким видом, как будто приняла какое-то важное решение.

Она взглянула на Саймона и улыбнулась. Они быстро вернутся, сказала она ему, потому что воскресенье – самый напряженный день в трактире, после церкви всем хочется эля. С этими словами она сняла передник и с решительным видом подвязала волосы шарфом. Ей явно не хотелось, чтобы Саймон прочитал ее мысли.

В восемь часов зазвонили церковные колокола, и все люди города – по двое, трое, а потом все большими группами – начали стекаться с Динз-гейт, Тоуд-лейн, Уити-гроув, Маркет-Стад-лейн и Смити-дор к большой церкви. Служба в церкви идет весь день, сказала Сьюзен, потому что в городе более трех тысяч человек, и, как бы ни была велика церковь, она не может вместить всех. У ворот те, что победнее, ожидали, пока пройдут богатые: лорды Мосли и Рэдклифф с многочисленными домочадцами; Эрл Дерби, прибывший из своего дома в Аль-порт-парк; сэр Сэмюэль и леди Типпингз и ее большая семья; Ральф Хальм – со своей. Затем шли горожане и должностные лица города, за ними – богатые торговцы шерстью и полотном, у каждого из которых была своя собственная скамья в церкви; потом купцы, лавочники и трактирщики. Миссис Баттеруорт шла в самом хвосте трактирщиков, за ней следовали Сьюзен и Мари, а Саймон плелся за ними в шерстяной куртке и башмаках на деревянной подошве. За ними шли все бедные семьи города: пастухи и стригали овец, красильщики и мальчики, прислуживавшие в кабаках, и, наконец, нищие. Все они должны были стоять в самых последних рядах. Былолюдно и душно; люди толкались, стараясь занять место поудобнее, и Саймон почти ничего не видел.

Он был в церкви всего два-три раза в жизни, и ему никогда не приходилось видеть такое большое помещение, с высокими сводами и двумя проходами, с огромными окнами из цветного стекла, на которых нарисованы ангелы и демоны. В центре каждого витража размещалось изображение Богородицы, которая обнимала своего младенца с таким же нежным выражением лица, как у его матери. Сьюзен проследила за направлением взгляда мальчика и прошептала, что изображения Богородицы сейчас запрещены, но поскольку их поместили сюда по приказу бабушки прежнего короля, то пока оставили.

– Так что нам повезло, а? – Она подтолкнула Саймона локтем. – У нас не отняли наши красивые стекла и украшения.

Саймон не ответил, потому что смотрел вверх. Высоко, под самой крышей церкви, он разглядел два ряда каменных ангелов; у каждого в руках был золотой инструмент; крылья наполовину расправлены, как будто они собирались взлететь с крыши.

Тут вошел настоятель в черном, с деревянным жезлом. В толпе зашептались, и Саймон отодвинулся от Сьюзен.

– Не бойся, – успокоила его Сьюзен. – Он не станет здесь колдовать. Хотя говорят, – добавила она, – что он входит и выходит из церкви незамеченным. Вот сейчас он здесь, – она щелкнула пальцами, – а через секунду его уже нет.

За настоятелем следовали хористы и члены церковной коллегии. Все они уселись за декоративной деревянной перегородкой, чтобы их не видели прихожане, и от этого Саймону стало немного легче. Затем вошли мальчики из грамматической школы, а с ними – директор и младший учитель. И, наконец, появились констебли, тащившие за собой арестантов из тюрьмы, избитых, в синяках, закованных в цепи. Это были люди, отказывавшиеся посещать церковь. Их заставили встать на колени между алтарем и скамьями.

Алтарь представлял собой деревянный стол. Перед ним стоял викарий в простой черной рясе, читавший всей пастве из молитвенника на английском языке, а не на латыни, как прежде.

Поскольку Саймон был зажат между двумя мальчиками, прислуживавшими в разных трактирах, а впереди стояли мать и Сьюзен, он мало что видел. Поэтому он смотрел вверх, на ангелов, которые, казалось, играли с хором. Когда люди перед ним немного подвинулись, он разглядел, что у аналоя стоит уже другой проповедник.

Это был человек, которого Саймон встречал накануне вечером – тогда он вел по городу армию своих последователей. Он стоял, хмуро взирая на конгрегацию, и, казалось, собирался что-то прочесть из большой Библии. Но он захлопнул книгу и, отойдя от алтаря, принялся прохаживать перед собравшимися. На этот раз на нем не было шлема. Не было на нем и шапочки и рясы священника – только простая черная одежда. Голова его была выбрита. Он был таким тощим, что адамово яблоко выступало на горле, как яйцо, из которого вот-вот вылупится птенец.

– В этом городе есть много врат, ведущих в ад, – начал он, покосившись на арестантов. – И каждого из вас заманил туда хитростью Змей – да! К самым вратам, за которыми разверзается огненная бездна! Посмотрите вокруг! – воскликнул он, яростно кивая, и Саймон огляделся, но не увидел никаких пылающих врат.

– Разве не притягивает грязный трактир сотню людей раньше, чем церковный колокол пробьет час? Этим часовням Сатаны не нужны колокола. Вас тянет туда, как свинью в хлев. И что же вы там находите? Ваши кабаки и таверны до отказа набиты бродягами и ворами! Те, кто покрыт язвами и струпьями, ходят туда развлекаться и заражают других. У них язвы и на теле, и в душе. Я скажу вам лишь одно, – тут он стукнул кулаком по ладони другой руки. – Читайте Святое воскресенье. Соблюдайте воскресенье, и вы попадете в Царство Небесное. А Христово Воскресенье, – добавил он, бросив на собравшихся злобный взгляд, – начинается накануне, в субботу.

Конгрегация зашевелилась, по толпе прокатился шепот, словно люди не соглашались со сказанным. Это была необычная проповедь – священник был одним из радикальных пуритан Сотни Салфорда. Однако его последователи, поддерживая своего предводителя, кричали «Аминь!» в конце каждой тирады. Он покинул аналой, когда конгрегация запротестовала, и начал расхаживать среди людей. Он был таким низкорослым, что его едва было видно, но голос звучал очень звонко.

– А ваши дела и потехи – разве это не забавы дьявола? Ваш футбол – скорее драка, нежели развлечение, это поистине кровавое и опасное занятие! Дьявол ликует, когда вы ломаете себе кости! А петушинные бои, где вы тратите деньги, заключая пари, и наблюдаете, как птицы наносят друг другу клювами смертельные раны! Что же это такое, как не жертвы на алтарь Дьявола?

Раздались выкрики: «Хватит!» и «Ступай проповедовать к себе в приход!», но последователи проповедника еще громче завопили: «Хвала Господу!»

– Вы предаетесь грубым забавам, забыв о мужском достоинстве! – воскликнул проповедник. – Вы оскверняете свой язык нечестивыми речами, вы жаждете скверны, вы предаетесь пороку, вы позорите свою честь, ваши дни исполнены тщеславия. Ваше брюхо – вот ваш бог, и в конце вас ждет гибель. Я люблю вас во Христе и поэтому говорю вам в глаза неприятную правду.

Саймон взглянул вверх, на ангелов под крышей. Ему показалось, что их каменные губы шевелятся. Они что-то говорили ему, но он не мог их расслышать.

Проповедник еще больше углубился в толпу, он пожимал людям руки, словно был одним из них, и читал тексты из Библии.

– Иезекииль, глава 34: «Не стадо ли должны пасти пастыри?»; Иоанн, глава 1, 11: «Я есмь пастырь добрый; пастырь добрый полагает жизнь свою за овец»; Иоанн. 10, 16: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь».

– Мэм, – громко произнес Саймон в паузе, – что говорят ангелы?

Люди возле него зашевелились и захихикали, а проповедник зорко огляделся, ища того, кто его перебил, и начал проталкиваться к Саймону, на ходу пожимая руки пастухам и плотникам.

– Если бы весь мир был текущей водой, – сказал он, строго глядя в лицо стригалю Элфреду, – и если бы каждый год становилось на одну каплю меньше, все море должно высохнуть, прежде чем благочестивый человек перестанет жить во Христе. Я – посланник Христа, и я поклялся говорить правду. Если вы мне не верите, вы несправедливы к Нему.

Саймон вытянул шею, но теперь каменные ангелы притихли и умолкли.

– Сейчас ангелы перестали говорить, – печально констатировал он.

Сьюзен резко вздохнула, а когда приблизился проповедник, мать шикнула на Саймона.

– Ради бога, – пробурчала миссис Баттеруорт, – заткните этого парня!

Мать сильно стиснула ему руку, так что Саймон понял, что нужно замолчать. И внезапно прямо перед ним оказался проповедник. Он оглядел разноцветное платье Мари и большую безвкусную шляпу миссис Баттеруорт, и ноздри его раздулись, словно он учуял запах серы.

– Они разодеты в пышные наряды, – произнес он хриплым голосом, – но будут носить рублище.

Его взгляд задержался на Мари, которая, потупив взор, сжимала пальцы Саймона. Казалось, проповедник хочет что-то добавить, но слова замерли у него на устах. Затем, внезапно придя в себя, он отвернулся и направился обратно к алтарю.

– Дьявол всегда среди вас, – продолжил проповедник, вернувшись к деревянному столу, заменявшему алтарь, и обводя конгрегацию гневным взглядом. – Сейчас он находится перед вами под личиной тех, кто хотел бы увести вас от единственной истинной церкви и обречь на вечные муки в аду!

Он указал на коленопреклоненных арестантов.

– Искореняйте же их – пусть каждый человек посмотрит на своего соседа, ибо среди вас находится Змей!

Конгрегация беспокойно задвигалась и зашаркала ногами, когда проповедь подошла к концу. Им не нравился проповедник, но они его боялись. Было известно, что он заходил в дом к людям и допрашивал их, пытаясь узнать, не паписты ли они. С тех пор, как он появился в приходе, в тюрьму Нью-Флит было брошено больше народу, чем раньше.

Когда проповедник наконец-то закончил, поднялся настоятель, и толпа зашептала уже по-другому. Он встал возле другого аналоя и начал читать из новой Библии.

Он стоял перед древним камнем, на котором был вырезан ангел. Камень был так далеко от Саймона, что он едва мог его разглядеть, но внезапно ему показалось, что камень объят белым пламенем.

– Мэм, мэм, – громким шепотом произнес Саймон. – Ангел в огне!

На этот раз все повернулись в сторону мальчика и зашептались между собой. Миссис Баттеруорт кинула на Саймона яростный взгляд, а настоятель сделал паузу, пытаясь определить, кто его перебил. Однако он не видел Саймона в толпе. Через минуту он продолжил чтение. Ногти матери впились в руку Саймона, и он понимал, что она напугана, но ничего не мог с собой поделать. За спиной у настоятеля ангел распростер свои крылья, и открылась темная бездна, подобная беззвездному небу. Саймон почувствовал, как дрожь охватывает его члены, а кости стали жидкими, как вода. Он почувствовал, что сейчас закричит, но тут настоятель перестал читать и сошел с кафедры. У него за спиной ангел снова слился с камнем. Саймон шумно вздохнул. Мать не отпускала его руку, а Сьюзен смотрела на них обоих в испуге. Однако пришло время заключительной молитвы перед причастием, и викарий снова появился у алтаря. Ему пришлось повысить голос, и он слегка заикался. Люди начали продвигаться вперед, склонив голову.

Те, кто не хотел причащаться, проталкивались к большим дверям, но пространство вокруг Саймона и его матери расчистилось. Когда они выбрались на улицу, люди что-то бормотали и отходили подальше от них.

– Что это ты себе позволяешь? – зашипела миссис Баттеруорт.

Мать Саймона ничего не ответила.

– Кто этот проповедник? – обратилась она к Сьюзен.

– Который? – переспросила та. – Тот, который говорил напыщенные речи, – Роберт Даун, а тот, который заикается, – Мэтью Палмер. С ним все в порядке? – осведомилась она, кивнув на Саймона.

– С ним все хорошо, – ответила Мари. – Там просто было душно, вот и все – ему не хватало воздуха и было трудно дышать.

– Он у меня вообще дышать перестанет, – пригрозила миссис Баттеруорт, – если еще раз так меня подведет.

И она тяжелой походкой направилась в сторону Лонг Миллгейт. Сьюзен взяла Мари под руку.

– Пошли, – сказала она. – Пускай глазают.

Они последовали за миссис Баттеруорт. Саймон крепко держал мать за руку. Перед глазами проносились какие-то вспышки и мерцание, словно один мир быстро сменялся другим, но он не понимал, что там происходит. Его охватила невероятная усталость.

– Что вам угодно? – обратилась Сьюзен к одной бедно одетой женщине, и та поспешно отвела взгляд. – Не понимаю, Саймон, – сказала она, понизив голос. – Ты такой тихий парнишка, а умеешь привлечь к себе внимание.

Она обняла его за плечи, когда они влились в толпу, направлявшуюся в трактиры Лонг Миллгейт.

7

Мэтью Палмер зажег свечи, и церковь наполнилась озерцами света и тени. Скоро начнется вечерняя служба, и мальчики пойдут по проходам церкви к каждой из старых часовен, произнося *deus misereatur* и *de profundis* за упокой душ тех, кто завещал деньги церкви и школе. Его руки слегка тряслись, поскольку он знал, что в церкви соберутся пуритане, и ему было известно их мнение на этот счет. Особенно он боялся проповедника Роберта Дауна. «Мертвые уже прокляты или спасены, вне зависимости от ваших молитв, – говаривал он. – Вы растлевете души вашей сегрегации, цепляясь за такие папистские методы. В нашей церкви они уже запрещены», – и так далее.

Мэтью Палмера трясло еще и потому, что в большой церкви было прохладно, и потому что менее чем через час ему придется сидеть за трапезой вместе с Робертом Дауном и его армией. Ничего не могло быть хуже трапезы в этой безрадостной компании: люди Дауна были в трауре и плакали за едой, а кроме того, бичевали себя и перед трапезой, и во время ее, пока капли крови не начинали падать в пищу. Но они особенно настаивали на его присутствии, а это означало, что они хотят обсудить дальнейшие изменения в церкви и церковных службах. Им не нравятся витражи, заявили они, а Мэтью Палмер любил эти окна, каждое из них рассказывало целую историю. Но в центре всех витражей была изображена Богородица, и они, конечно, возражали против этого. В Англии осталось мало церквей и часовен, в которых сохранились подобные витражи. В приходе существовала легенда о том, как во времена прежнего короля, Генриха VIII, прибыли солдаты, чтобы разбить витражи, разгромить приделы и алтарь и уничтожить изображения Девы Марии. Они въехали в церковь на лошадях, но старый священник не дрогнул и продолжал читать молитвы.

«За кого это вы молитесь?» – спросил начальник солдат, и когда ему ответили: «За леди Маргариту Бофор, бабушку короля», он резко остановился и после горячего обсуждения со своими людьми уехал. Таким образом, церковь осталась нетронутой, хотя и пришлось заменить каменный алтарь деревянным столом.

Однако теперь пуритане хотели, чтобы стены побелили, окна замазали известковым раствором и закрыли ставни. Они требовали, чтобы во время служб не было пения – только молитвы, которые следует читать на английском языке. Это еще усугубило бы смятение, уже завладевшее людьми. Ведь старые обычаи не так-то легко отмирали, и люди все еще тайно ходили на поля Чистилища в канун Хеллоуина, чтобы зажигать огни и читать молитвы по своим дорогим усопшим, дабы отмолить им хотя бы один день от мук Чистилища.

Викарий зажег последнюю свечу и стоял, задумчиво глядя на отражения в блюдах, в которые клали пожертвования на церковь. Что он ответит, когда его начнет расспрашивать Роберт Даун? Известно, что немногие могут противостоять ему. Этот человек – природный инквизитор.

Он отвернулся от свечи и вздрогнул, внезапно увидев фигуру женщины. Ее голова была покрыта цветным платком, из-под которого выбивались темно-рыжие волосы.

Она приблизилась к нему, заметив, что он оторвался от своего дела.

– Отец, – обратилась она к священнику.

– К-кто – что такое? – с трудом выговорил он.

– Мне нужно с вами поговорить.

Мэтью Палмер поспешно оглянулся через одно плечо, затем через другое и сделал шаг к женщине.

– Я н-н-не могу выслушать исповедь, – заикаясь, произнес он, так как его уже просили об этом раньше; но женщина покачала головой.

– Нет, нет, – ответила она. – Это насчет моего сына, – начала было она, но остановилась, по-видимому, не зная, как продолжить.

– Он – он в-впал в грех?!

– Нет, отец – я хочу, чтобы он пел в хоре.

Мэтью Палмер был сильно удивлен.

– В хоре?

Женщина кивнула. У нее было расстроенное выражение лица. Мэтью Палмер перевел взгляд с нее на тени в нефе. Уж не подслушивает ли там кто-нибудь?

– М-мальчики в хоре из – из школы, – объяснил он, и женщина снова кивнула. – Он н-н-не может просто так быть принят в хор.

Но она сказала:

– Нет, отец – я хочу, чтобы он пошел в школу.

Мэтью Палмер не знал, как сказать ей об этом, но женщины ее статуса обычно не посылали своих мальчиков в грамматическую школу. – Школа н-н-на-ходится не в моем ведении.

– Но он умеет петь, отец.

– Петь?

– Как ангел с Небес.

Она схватила викария за рукав рясы, и он снова в тревоге окинул взглядом церковь, уверенный, что заметил какое-то движение. Женщина снова заговорила тихим голосом, спеша высказаться.

– Мой сын – он не похож на других мальчиков. Я не могу послать его к кому-нибудь в подмастерья – это не для него. Но он может петь. Отец, у него есть этот единственный великий дар.

– Эта бродяжка просит милостыню?

Резкий голос Роберта Дауна разнесся по всему нефу, и при виде его у Мэтью Палмера душа ушла в пятки.

– Что ты хочешь – подаяния? Место нищих за церковными воротами! – Роберт Даун оглядел женщину с головы до ног, внимательно рассматривая ее необычную, пеструю одежду.

– Я видел тебя раньше, на утренней службе, – уже мягче произнес он. – Чего ты хочешь? Женщина хотела заговорить, но Мэтью Палмер перебил ее:

– Это д-духовный в-вопрос.

Проповедник ухватился за его слова:

– Духовный вопрос, да? Ну же, продолжайте, мы послушаем!

Произнося эти слова, он обошел вокруг женщины. Она стояла, потупив глаза.

– Вы из трактира, не так, леди? – внезапно спросил он.

– Да, сэ.

– Из какого?

Женщина встревожилась, но ответила:

– Я служу у миссис Баттеруорт, сэ, возле пекарни.

Проповедник задумался на минуту, потом лицо его прояснилось:

– Я знаю этот трактир. Там творятся беззакония и безобразия.

Никто ему не возразил, и он продолжал:

– Ну что же, мы не держим в секрете наши духовные дела, мы рассказываем о них на Ассамблее. Таким образом у нас не бывает постыдных тайн.

– Им-менно это я и посс-советовал, – вмешался викарий, так сильно заикаясь от волнения, что едва мог говорить. – Я с-с-сказал, что она м-м-может прийти на следующую Ассамблею.

– Ах, вот как, – сказал проповедник, почти не скрывая своего презрения к викарию. – Ну что же, тогда...

Но прежде чем он разразился проповедью, Мэтью Палмер взял женщину за руку.

– Я провожу ее на улицу, – произнес он, ни разу не заикнувшись, и решительно повел ее из придела по проходу – к главной двери.

Он ничего не сказал, и она тоже, к его великому облегчению: эхо усилило бы их голоса. Но когда они дошли до двери, она высвободила свою руку и посмотрела на него с мольбой.

– Если бы вы только слышали, как он поет! – сказала женщина.

Мэтью Палмер заговорил тихо и нервозно:

– Вы д-должны з-з-забыть об этих глупостях. Церковь – не м-м-место для виртуозного п-пения. Скоро вообще н-не б-б-будет н-никакого пения.

Он предостерегающе поднял руку, когда женщина попыталась заговорить.

– Ступайте, – сказал он. – Если вы п-полны решимости отдать вашего м-мальчика в школу, вы должны поговорить с д-директором. Или настоятелем. В-вот и все.

Больше викарий ничего не сказал, хотя что-то во взгляде женщины встревожило его – это был взгляд раненого животного, попавшего в западню. Она посмотрела ему в глаза, потом быстро повернулась и торопливой походкой удалилась. При сумеречном свете ее одежда походила на яркий флаг.

8

Саймон ждал возвращения матери. Она выскользнула из дому, выгадав время между подачей блюд, – сказала, что должна отлучиться по одному поручению и скоро вернется. Но это было очень давно. Саймон прокрался в ее спальню и высунул голову в окно. Он наблюдал, как женщины возвращаются с городской водокачки, неся воду; как проехал мимо возчик в своей повозке; как медленно, с видимым усилием подметает мусор уличный уборщик. Двое мужчин из церковной коллегии уже начали свой обычный обход. Удлинились вечерние тени, а мать все не возвращалась. Теперь в любую минуту его могла позвать миссис Баттеруорт своим громким и резким, как у каркающей вороны, голосом, но не будет ему покоя, пока он не узнает, где мама.

И вдруг снизу до Саймона донеслись голоса. Он узнал один голос и косынку на голове. Это был Черный Джек с приятелем. Саймон поспешно отпрянул от окна. Черный Джек провел полдня в пивной и все время настойчиво уговаривал Мари потанцевать с ним. Саймон любил смотреть, как она танцует, вскакивая на столы и хлопая в ладоши. Ее лицо освещалось какой-то загадочной улыбкой, словно никого вокруг не было. Однако ему не нравилось, как смотрят на мать мужчины, когда она приподнимает юбки. Особенно ему не нравился Черный Джек. В нем был какой-то жесткий и холодный блеск – как у оловянного блюда. Прижавшись к оконной раме, Саймон прислушался.

– Значит, она тебе нравится, – сказал друг Черного Джека.

И голос Черного Джека ответил:

– Да, она ничего.

– А ты думаешь, она с тобой пойдет?

Черный Джек что-то пробормотал, но Саймон не расслышал его слов, которые сопровождалось тихим неприятным смехом.

И тут Саймон увидел мать, приближающуюся к дому со стороны церкви. Со сжавшимся сердцем он наблюдал за Мари, которая шла танцующей походкой.

Черный Джек тихо сказал своему приятелю:

– Теперь уходи. – и сам отступил в тень ближайшего переулка.

Когда Мари поравнялась с ним, Черный Джек шагнул к ней и схватил за руку. Саймон услышал, как она вскрикнула «Ой!» от удивления, когда Черный Джек потащил ее в переулок. Саймон так далеко высунулся из окна, что чуть не выпал, пытаясь увидеть, что там происходит. Он услышал, как они переговариваются шепотом, и мать пытается возражать. Она вырвалась из рук Черного Джека и вернулась на улицу, но тот сгреб ее в охапку и поцеловал. Она снова вырвалась и побежала в трактир.

Саймон замер, сердце его бешено колотилось. Он услышал, как его зовет миссис Баттеруорт, но даже не шевельнулся, пока на лестнице не застучали ее тяжелые шаги.

– Проклятый мальчишка! И куда это он подевался?

Саймон выскользнул из комнаты матери и грубо протиснулся мимо миссис Баттеруорт, стоявшей на площадке.

За весь вечер не выдалось и минутки, чтобы поговорить с матерью. В трактире становилось все многолюднее, и посетители напивались все сильнее. Мари танцевала и пела для них, а в промежутках носилась между кухней и залом. На лбу ее поблескивали капельки пота. Саймон нарезал хлеб, раскладывал жаркое, мыл горшки. Он действовал еще более неуклюже, чем обычно, и проливал все больше. Наконец миссис Баттеруорт велела ему мыть пол. Затем ему пришлось притащить бочки из подвала и принести воду с водокачки. В трактире завязалась драка – правда, не страшнее, чем обычно, – и миссис Баттеруорт вышвырнула драчунов на улицу. Однако скоро все они вернулись.

Выглядывая из кухонной двери, Саймон видел, как компания Черного Джека разгуливается все веселее. Он требовал у матери Саймона одну песню за другой, а когда мимо проходила Сюзен, пытался усадить ее к себе на колени. Сюзен отталкивала его, хихикая. Лицо Саймона горело от ненависти, когда он наблюдал за происходящим. У Черного Джека были черные волосы с сединой, выбивавшиеся из-под косынки, щетина на подбородке; в расстегнутом вороте рубашки проглядывались более темные волосы на груди. На тыльной стороне обеих рук вытатуирована роза. Однако к облегчению Саймона Черный Джек и его приятели удалились еще до того, как пришло время закрывать кабак.

Постепенно трактир опустел, потому что назавтра был рыночный день, и всем придется рано вставать. Мари вошла на кухню, заправляя волосы под чепчик. Она устало улыбнулась сыну, но Саймон не ответил ей улыбкой.

– Что он тебе сказал? – спросил он по-цыгански.

– Кто? – осведомилась мать, все еще занятая своими волосами.

– Фу! Какая вонь в этой комнате! – сказала Сюзен, входя торопливой походкой. –

Помоги-ка нам – нужно отскрести столы.

Мари взяла тряпку, но Саймон поймал ее за рукав.

– Я тебя видел! – заявил он, на этот раз по-английски.

Мать удивленно взглянула на него, но потом поняла, о чем он говорит.

– В пивном зале? – осторожно спросила она.

– Нет – на улице.

Сначала Саймону показалось, что она хочет отчитать его за то, что он шпионит за ней, но мать лишь сказала:

– То, что обычно говорит всем служанкам.

Саймон знал, что она лжет, и это задело его больше, чем, бывало, побои.

Мать повернулась, чтобы идти, но Саймон остановил ее:

– Он мне не нравится.

– О, Саймон, – вздохнула мать. Она не смотрела ему в глаза, и вид у нее был расстроенный. – Он ничего такого не сказал – просто хотел удостовериться, что я буду для него петь. Вот и все.

«Нет!» – хотелось закричать Саймону, но он не мог.

– Не уходи, – прошептал он.

Теперь мать смотрела на него. Она коснулась его лица и прижала к своей щеке его руку. Он был выше ее.

– Саймон, – произнесла она мягко. – Я никогда тебя не оставлю.

И он наконец-то расслабился, потому что знал, что теперь она говорит правду.

9

В ярмарочный день, казалось, весь город собирался на рыночной площади. На Смитидор, которая вела к реке, располагались более пятидесяти мясных лавок. Наверху были вывешены головы свиней, овец и коров, и потроха падали на булыжники, отчего дорога становилась скользкой, и Саймон не мог пройти мимо, не набив себе шишку. А вот его мать ловко прокладывала себе путь с корзиной на голове, пробираясь к рыбным лавкам у реки, затем к прилавку с живыми гусями. Саймон следовал за ней, изо всех сил стараясь не отставать.

Были тут и коробейники, продававшие амулеты из сушеных жаб и заячьих лап, чтобы отгонять чуму. Один человек предлагал подстричь волосы и бороды или вырвать больной зуб. Последние осенние яблоки были свалены грудями на одном конце рыночной площади, вместе с репой и капустой. А еще были ларьки, в которых продавали изделия из дерева, метлы и соломенные шляпы. Перед женщинами стояли корзины, полные утиных и гусиных яиц, в других корзинах сидели цыплята и голуби, которые в панике громко хлопали крыльями. Рыночные инспекторы проверяли качество эля и других товаров и следили, чтобы покупателей не обвешивали; блюстители закона кружили на окраинах рынка, выискивая тех, кто незаконно продает свой товар, не уплатив за место на рынке. Среди всей этой толчеи разгуливал церковный сторож со своим крашеным жезлом, в куртке из грубой шерстяной материи с сорока восьмью серебряными пуговицами, стегая несчастных, которые были привязаны к позорному столбу, – чиновник получал по четыре пенса за каждого. Один из подмастерьев красильщика сидел в колодках, а вокруг было полно мусора, который можно было швырять в него.

Саймону не понравился рынок. Он всегда нервничал, когда на мать смотрело столько глаз. Он опасался, что церковный сторож или другой представитель властей усомнится в их праве здесь находиться и заберет его мать. Он то и дело терял ее из виду в толпе и с облегчением вздыхал, увидев вновь. Удерживая корзину на голове, повязанной цветным шарфом, она пробиралась к Сьюзен, торговавшейся из-за котелка.

– Значит, у нас все в порядке? – бодрым тоном произнесла Сьюзен, и они направились в трактир.

Саймон помогал женщинам нести покупки.

Но подойдя к трактиру миссис Баттеруорт, они увидели у входа несколько человек, разглядывающих прибитое к дверям объявление.

– Неужели никто здесь не умеет читать? – спросила миссис Баттеруорт, когда Сьюзен приблизилась, но ни Сьюзен, ни Саймон, ни его мать не умели.

– Отнесите это в дом директора школы, – посоветовал кто-то в толпе.

– Нет, ночному сторожу, – возразил другой. – Он знает грамоту.

И как раз в эту минуту ночной сторож, которого звали Роджер Твист, вывернул из-за угла Тоуд-лейн и остановился как вкопанный при виде толпы. Это был плотный человек с красным носом – постоянный клиент заведения миссис Баттеруорт.

Миссис Баттеруорт протолкалась к нему, размахивая сорванным объявлением.

– Эй, ты! – обратилась она к нему. – Что это такое?

Роджер Твист взял у нее объявление и начал молча читать, шевеля губами. Когда он дочитал до конца, его чело нахмурилось, и он покачал головой.

– Ну что? – спросила миссис Баттеруорт. – Что там говорится?

Роджеру Твисту явно не хотелось ей отвечать.

– Это официальное уведомление, – уклончиво начал он.

– Это я и сама вижу, – отрезала миссис Баттеруорт. – О чем там речь?

– Это от того парня, проповедника – Роберта Дауна, – объяснил мужчина, а когда миссис Баттеруорт презрительно фыркнула, он продолжил: – Успокойтесь, миссис, нет никакого смысла расстраиваться.

– Да читай же, что там, – попросила миссис Баттеруорт.

Роджер Твист вздохнул и снова покачал головой.

– Все это вздор, – начал он, но, встретившись взглядом с миссис Баттеруорт, начал читать:

– В году тысяча шестьсот четвертом от Рождества Христова, в этот благословенный день...

– Ну, давай же! – рявкнула миссис Баттеруорт.

– «...сим уведомляем, что вышеупомянутому трактиру или непристойному дому, принадлежащему вышеназванной владелице миссис Элис Баттеруорт, запрещается открывать двери и подавать эль и другие крепкие напитки, а также любого рода пищу всем лицам с захода солнца в субботу вечером и весь день в воскресенье, ибо это Христово Воскресенье и Божий День». Далее идет та цитата из Библии насчет соблюдения Христова Воскресения.

Раздались крики: «Позор!», а миссис Баттеруорт стала похожа на разъяренного быка, который собирается воткнуть в кого-нибудь рога.

– Что ты сказал? – спросила она.

– Это не я, миссис, – оправдывался Роджер Твист. – Я тут ни при чем – да и никто из тех, кого я знаю, – продолжал он, ища печать лорда. – Определенно это дело рук того проповедника – взгляните, вот его подпись.

– Дай сюда, – приказала миссис Баттеруорт и, вырвав бумагу из рук Роджера Твиста, начала пристально ее разглядывать.

Потом она открыла рот и изрыгнула поток таких отборных ругательств, что толпа подавалась назад, изумленно бормоча, и даже Роджер Твист побледнел.

– Он пытается меня закрыть? – орала она. – Да? Пытается?

– Нет, миссис, – начал Роджер Твист. – У него нет полномочий.

– Я ему покажу полномочия! – взревела миссис Баттеруорт. – Пусть он только сюда сунется и скажет мне все это сам, трусливый, вонючий сын!

– Миссис Баттеруорт, – умолял Роджер Твист, дрожа всем телом. – Успокойтесь – вы же не знаете, кто вас слушает.

Но миссис Баттеруорт была вне себя от ярости.

– Я надеюсь, что они слушают! – завопила она. – И смотрят! Вот, смотрите, что я думаю о вашем объявлении!

И она изорвала бумагу в крошечные кусочки. Толпа издала нестройный гул одобрения, но большинство уже начало расходиться. Мари стояла рядом с Сьюзен, прижав пальцы ко рту. Саймон дотронулся до ее рукава, но она не смотрела на него. Он чувствовал, как она расстроена.

– Вот и хорошо – расходитесь, все вы! – закричала миссис Баттеруорт. – Занимайтесь своими делами! И не думайте, что на этом все закончится! Скоро он возьмется и за вас – а все вы слабаки, куда вам выстоять против него!

Она оттолкнула Сьюзен, пытавшуюся втащить ее в дом.

– Ступайте своей дорогой да скажите всем, кого встретите, что у миссис Баттеруорт открыто, как всегда! – гремела она. – И что она собирается открывать свое заведение всю неделю и каждую неделю – и в Воскресенье тоже – особенно в Воскресенье!

Затем она наконец-то позволила Сьюзен втащить себя в трактир.

Почти весь тот день в трактире было спокойно, и никто не осмеливался приближаться к миссис Баттеруорт. У Мари был огорченный вид, и Саймон заметил следы слез на лице, когда она рубила купленное мясо. Мальчик не мог понять, почему они до сих пор остаются тут. Они нигде еще не задерживались так надолго.

– Не можем ли мы теперь уйти? – спросил он мать при первом удобном случае, но она лишь покачала головой и велела ему вынести обедки свинье.

– Почему мы все еще здесь? – спросил он мать, когда она готовила жаркое, но она только повторяла, что устала переезжать с места на место.

Саймон и сам видел, как ей тяжело. Что-то в ней надломилось – что-то, всегда заставлявшее не сдаваться и выдерживать даже самую суровую зиму. Взглянув на мать, он увидел в своем воображении птицу, упавшую с неба, и его обуял страх.

– Когда мы уйдем? – спросил он, когда она готовила грелку для постели, чтобы отнести ее наверх, в комнату миссис Баттеруорт.

– Не сейчас, Саймон, – ответила она.

– А когда?

Мать вздохнула, положив грелку у очага, и начала разжигать огонь.

– Я не знаю, – тихо ответила она, затем последовала долгая пауза. – Я не хочу отсюда уходить, – сказала она наконец.

Саймон сделал резкое движение и ударился о стул, стоявший у кровати. Вот так у него все тут – потому что ничего здесь ему не подходит. В лесу он бы передвигался, как олень, или лиса, а здесь он не мог и шагу ступить, не разбив что-нибудь, не пролив и не опрокинув. Мать поднялась и взяла его за руку, потом коснулась лица.

– Это не навсегда, – успокоила она мальчика. – Только еще немножко.

Саймон пристально смотрел на нее, но вдруг снизу донесся шум и шаги множества людей, входивших в трактир. Какой-то мужчина потребовал эля. Прибыл Черный Джек со своими собутыльниками.

10

Где бы ни появлялась Мари, мужчины всегда заглядывались на нее. Она еще не была старой, потому что родила Саймона, когда была чуть старше, чем он сейчас. Они провожали ее глазами, когда она ходила по городу в своем цветастом платье, от которого не хотела отказаться, потому что его сшила для нее Роза, бабушка Саймона. Завидев ее, кузнец позвал: «Эй, красавица, куда вы сегодня идете?» Один из менестрелей пропел ей вслед: «О, моя госпожа, куда лежит ваш путь?» Когда она заходила в лавку, хозяин закидывал ее вопросами: откуда она, не пришла ли с фламандскими ткачами и надолго ли здесь останется, и не нужна ли ей компания? Но она лишь улыбалась своей мимолетной улыбкой, оглядываясь через плечо, а после становилась еще более грустной, чем раньше. Когда она отправлялась на рынок, вокруг нее образовывалось небольшое пространство. Замужние женщины города держались от нее в стороне и шпыняли своих мужей, если замечали, что те смотрят на Мари. Вскоре она стала чаще оставаться дома и в город с поручениями посылала Саймона.

Его день начинался рано, когда только занимался бледный свет, но уже пели петухи и шел дым из первых очагов. Он собирал яйца в курятнике, хотя куры почти перестали нестись, а затем отводил к пастуху Матильду. Когда он возвращался, у матери и Сьюзен уже подходило тесто, и Саймону нужно было нести его в пекарню, чтобы там испекли хлеб. Потом он бегал по разным поручениям: в лавочку за перцем и мускатным орехом, или за лентой для одной из шляп миссис Баттеруорт, или к сапожнику отдать в починку обувь, или к точильщику наточить ножи, или к торговцу за свечами. Мальчику приходилось уворачиваться от овчарки кузнеца, разгуливавшей на свободе вопреки правилам, и от грубых подмастерьев, которые улюлюкали ему вслед, а иногда бросали камни.

Саймона завораживали новые зрелища, звуки и запахи: едкая вайда в мастерских красильщиков; странные напевы фламандских ткачей; берег реки, где расстилали на просушку шерстяные ткани – их приколачивали кольшками, и они бились на ветру, как синие паруса. В общем, Саймон часто отвлекался, забывал, что должен сделать, и ему нередко попадало.

При любой возможности он убегал к реке – любил смотреть, как разгружают баржи. По берегам тянулись дубильные мастерские, и оттуда доносился неприятный запах. Над поверхностью воды поднимался удушливый пар, который смешивался с дымом из городских труб, горевших мусорных куч и кузницы. Когда солнце выглядывало из тумана, подобное яичному желтку, все цвета становились размытыми, и свет дрожал, а твердые поверхности становились зыбкими, как во сне. Если Саймон застывал на месте и стоял очень тихо, как цапля, то сквозь мощную музыку города он слышал и другие звуки – их издавали птицы, суетливо садящиеся на ветки, и мыши, шуршащие в траве. Он мог воображать, что все еще находится в лесу, где солнечный луч скользил по испещренной пятнами листве. И тут он вспоминал, что пора возвращаться к миссис Баттеруорт и что он забыл, за чем был послан. И тогда миссис Баттеруорт кричала, что от него толку, как от козла молока. Но когда она грозилась побить Саймона, Сьюзен становилась между ними.

– Я ему задам! – говорила она, подмигивая матери Саймона, и тащила его во двор.

Там она брала длинную палку, которой выбивали соломенные матрасы, и, шепнув Саймону: «Кричи!», начинала выбивать матрас, который заранее притаскивала из верхних комнат.

Саймон послушно вопил, и они оба смеялись, прикрыв рукой рот, чтобы не услышала миссис Баттеруорт.

Мари очень хорошо ладила с Сьюзен. Саймон слышал, как они смеялись, подметая в помещениях для гостей. Может быть, именно из-за этого мама хочет здесь остаться? У нее никогда прежде не было друзей.

У Сьюзен был возлюбленный – Мартин Ригби. Он служил подмастерьем у Билла – дубильщика, редкостного скряги, который не отпускал его из учеников и не позволял таким образом жениться. Билл постоянно твердил, что Мартин должен ему за еду, питье и одежду. Остается только надеяться, говорила Сьюзен, что Мартин переживет своего хозяина, ибо список его долгов становился все длиннее с каждым днем.

Она постоянно говорила о своем суженом. Он моложе ее, с ушами, как у овцы, и от него несет, как от дохлой коровы, но он умеет целоваться, как никто. Еще Сьюзен рассказывала о своей семье: у нее шестеро братьев и сестер, родители умерли, а самый младший брат живет у ее замужней сестры возле Бэрнли. Вообще Сьюзен любила поболтать, но редко задавала вопросы, и это очень устраивало Мари.

Дни пролетали быстро, но Саймон все время ждал, когда же они вернутся к своей настоящей жизни. Когда приходило время спать, он лежал, прислушиваясь, пока шепот людей, их мысли и мечты не прогоняли шорохи леса и шелест листвы.

К концу недели в трактире стало особенно многолюдно. Наступила суббота, и трактир оставался открытым далеко за полночь. В пивном зале громко пели и дрались и, по крайней мере, четверо лежали бесчувственными в собственной блевоте, но миссис Баттеруорт никого не вышвыривала на улицу.

– Я покажу этим проклятым прокаженным с Библией, – говорила она. – Бесплатный эль после полуночи!

И пение с драками продолжились. Даже Саймону пришлось прислуживать в зале, и это ему совсем не нравилось, потому что там было несколько мальчиков из грамматической школы; они дразнили его «дурачком миссис Баттеруорт» и старались поставить подножку.

Наконец даже самые закаленные пьяницы, горланя песни, отправились восвояси. Был уже третий час утра, когда Сьюзен, Саймон и его мать поплелись наверх и рухнули на постели. Саймон слишком устал даже для того, чтобы думать о лесе, и сразу же провалился в глубокий сон. Ему снилось, что он лежит под водой, потому что мать сказала ему затаиться. Их разыскивали – он слышал, как по берегам реки топает множество ног. А потом его коснулась рука матери.

– Саймон! – звала мама. – Саймон, проснись! – И она начала трясти его за плечо.

Саймон сразу же открыл глаза. Мать стояла рядом, прижимая палец к губам. Пора, подумал Саймон. Наконец-то им пора в путь. Он быстро поднялся и вслед за матерью начал спускаться по лестнице.

– Какого черта здесь происходит? – осведомилась миссис Баттеруорт, в растрепанном виде появляясь в дверях своей комнаты. – Что за шум?

– Вам бы лучше пойти да посмотреть, – посоветовала Сьюзен, которая уже поднялась с постели и стояла теперь у окна.

Миссис Баттеруорт плотнее запахнула шаль и с ворчанием пролезла мимо Сьюзен к окну. Когда Саймон с матерью последовали за хозяйкой в комнату, Мари сделала ему знак молчать.

Трактир был окружен отрядом пуритан, одетых в черное, со строгими воротничками, в высоких шляпах. Некоторые упали на колени, прямо в грязь Лонг Миллгейт, и все они молились. Саймон поискал взглядом проповедника Роберта Дауна, но не увидел его. Человек, который, по словам Сьюзен, называл себя «Бей нечестивых», громко читал Библию.

– «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные», – произносил он нараспев, и его редкая седая бородка тряслась в такт словам.

Миссис Баттеруорт высунула в окно свою большую растрепанную голову.

– Эй, вы! Вам известно, который сейчас час?

Но «Бей нечестивых» лишь указал на нее обвиняющим перстом.

– «Восстань, восстань, одлекись в силу твою, Сион! Облекись в одежды величия твоего, Иерусалим, город святой!»

И все его последователи вскричали:

– Аминь!

Миссис Баттеруорт отвернулась от окна, глаза ее метали молнии.

– Я ему покажу «одежды величия»! – воскликнула она. – А ну, несите сюда ночные горшки!

Саймон отступил в сторону, когда мимо него пронеслась Сьюзен, а миссис Баттеруорт снова высунулась из окна и заорала:

– А ну-ка, уберите от моей двери, вы, грязные крысы!

– «Так говорит Господь: псы съедят Иезавель за стеною Изрееля», – закричал в ответ «Бей нечестивых». – «Вот удел человеку беззаконному от Бога, и наследие, определенное ему Вседержителем!»

– Вот тебе, мерзкий старик! – завопила миссис Баттеруорт, выплеснув на своего противника содержимое ночного горшка, причем очень метко.

«Бей нечестивых» на минуту умолк, тяжело дыша и отряхиваясь. Но вскоре снова обрел дар речи:

– «И я увидел блудницу, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее».

Миссис Баттеруорт едко рассмеялась:

– Может, хватит проповедей, дед? Ты здесь ошиваешься только потому, что жена не подпускает тебя к себе!

Сьюзен тянула хозяйку за шаль, пытаясь оттащить от окна.

– Пойдемте! – увещевала она миссис Баттеруорт. – Не обращайтесь на них внимания. Им скоро надоест.

Но пуритане, читавшие нараспев Библию, явно не собирались отступать.

– «Имущество твое и сокровища твои отдам на расхищение, без платы, за все грехи твои!» – завывал «Бей нечестивых».

И его приспешники восклицали:

– Хвала Господу!

И тут на сцене появился Роджер Твист, ночной сторож, и позвонил в свой колокольчик.

– Четыре часа утра, – закричал он, – и все в порядке.

При виде толпы он резко остановился.

– Четыре часа утра! – воскликнула возмущенная миссис Баттеруорт. – Вот именно!

Она сбегала вниз по лестнице, и шаги ее загремели по дому. Прихватив в кухне большой нож, она стрелой вылетела из дверей трактира и изо всех сил огрела проповедника. «Бей нечестивых» упал на колени прямо в грязь; несколько пуритан бросились к ней. Но прежде чем они добрались до миссис Баттеруорт, она схватила старика за бороду и начала отрезать ее ножом. «Бей нечестивых» выл и орал.

– Убирайся от моих дверей вместе с бандой своих проклятых навозных жуков! – шипела она. – А не то я отрежу тебе кое-что еще!

И она замахнулась ножом на его последователей, которые пытались остановить хозяйку трактира. Роджер Твист ринулся к ней с воплем:

– Эй! Да что тут происходит?

– Я учу этого хорька хорошим манерам! – ответила миссис Баттеруорт, все еще размахивая ножом, так что пуритане отпрянули и рухнули на колени, вознося молитвы.

– Ну, ну, бросьте нож, – уговаривал Роджер Твист. – А вы уходите отсюда, все – вы уже достаточно повеселились.

– Это дело Божье! – воскликнула одна из женщин, в которой Саймон узнал Святошу Флетчер. – Мы тут не шутки шутим!

– И вам действительно будет не до шуток, если я вызову констеблей! – заорал Роджер Твист. – Вам захотелось посидеть в Нью-Флит, не так ли?

– А вы, миссис! – обратился он к миссис Баттеруорт. – Я же вам сказал: бросьте нож!

Она неохотно выпустила из рук бороду «Бей нечестивых». Он согнулся пополам, и его стошнило.

– Сатанинское отродье, – вымолвил он, задыхаясь, и миссис Баттеруорт хорошенько пнула его в зад.

– Вы их слышали? – спросила она Роджера Твиста, когда «Бей нечестивых» поднимался с колен, опираясь на руки своих последователей. – Я знаю, к чему они клонят: они хотят закрыть мой трактир.

– Жаль, что им больше нечем заняться, – заметил Роджер Твист, который был постоянным клиентом миссис Баттеруорт. – Давайте-ка, расходитесь, – обратился он к толпе. – А не то вызову вас на следующую выездную сессию суда присяжных, – пригрозил ночной сторож.

«Бей нечестивых» попятился, желчно выкрикивая:

– «Бог не отвратит гнева Своего; пред Ним падут поборники гордыни. Тем более могу ли я отвечать Ему».

– Иди, иди, отращивай свою бороду! – посоветовала ему миссис Баттеруорт, повернувшись ко всем спиной и направляясь в трактир. – Ну, кто идет завтракать? – донесся ее голос уже изнутри дома.

Саймон и его мать со всех ног бросились ставить воду на плиту. Их трясло от страха. Однако миссис Баттеруорт была в прекрасном настроении. Сюзен надела на голову высокий котелок, изображая проповедника, и громовые раскаты хохота миссис Баттеруорт разнеслись по всему трактиру.

11

Было воскресенье, но миссис Баттеруорт заявила, что в церковь никто не пойдет. Весь день звонили церковные колокола, после службы люди заходили в кабак. К концу дня в трактир набилось невероятно много народу, и миссис Баттеруорт без конца рассказывала о событиях прошедшей ночи.

Весь день в груди Саймона копилась тревога, словно вокруг него смыкались когти какой-то огромной птицы. Он уронил кувшин с молоком, сжег мясо на вертеле и порезался ножом для хлеба. Кончилось тем, что его услали во двор, к свинье Матильде. По лицу матери он видел, что она тоже расстроена, но не удалось улучшить ни минутки, чтобы перемолвиться с ней словом. Однако посетители рано разошлись, так как назавтра снова был рыночный день. Мать отправила Саймона спать, сказав, что доделает за него работу.

Но не успел мальчик опустить голову на подушку, как раздался страшный стук в парадную дверь. Он соскочил с постели и скатился вниз по лестнице, спеша к матери.

Тук-тук-тук!

– Что, черт возьми, происходит?! – возмутилась миссис Баттеруорт, распахивая дверь.

Саймон, который одолевал последний лестничный пролет, увидел на улице всадника.

– Миссис Баттеруорт! – произнес он громовым голосом. – Выходите из своей зловонной преисподней!

– Убирайтесь к черту от моей двери! – закричала миссис Баттеруорт. – Сьюзен, ступай за констеблями!

Но не успела Сьюзен, бледная и напуганная, сделать и шагу, как в дом ворвались двое мужчин в доспехах. Они накинули на миссис Баттеруорт веревку и потащили ее на улицу.

– Сьюзен! – кричала она. – Сьюзен!

Сьюзен огрела ближайшего к ней человека сковородой, которую использовала для обогрева постелей, но попала по его доспехам, не причинив вреда.

– Помогите, пожар! – завопила Сьюзен, так как мужчины поджигали на улице дерн вокруг дома.

Саймону казалось, что все это происходит во сне. Он, спотыкаясь, выскочил на улицу за Сьюзен. Вокруг было много мужчин в броне. Пламя отражалось на их шлемах и обнаженных шпагах. Некоторые падали на колени, вознося молитвы. Старик, с которым так грубо обошлась миссис Баттеруорт, «Бей нечестивых», громко читал по своему молитвеннику:

– «Вот – конец тебе; и пошлю на тебя гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим, и возложу на тебя все мерзости твои. И не пощадит тебя око Мое».

Миссис Баттеруорт поставили на колени прямо на улице. Всадник спешил, и Саймон узнал в нем Роберта Дауна.

– Миссис Баттеруорт, – загремел он, – вы обвиняетесь в осквернении Святого Воскресенья и в распространении разврата на улицах этого города. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Миссис Баттеруорт смачно плюнула в лицо Роберту Дауну. Тот поднял свой бронированный кулак и ударил ее. Лицо хозяйки трактира залила кровь, и Сьюзен вскрикнула.

– Вавилонская блудница! – зашипел он. – Слишком долго ты сеяла мерзость и грязь на этих улицах! – Он возвысил голос. – Божий гнев падет на головы слуг Сатаны!

И все пуритане, стоявшие вокруг на коленях, подхватили:

– Аминь!

Саймона пронзила острая боль, когда ударили миссис Баттеруорт, из глаз полились слезы, так что все вокруг начало расплываться. Некоторые люди бежали к дому, чтобы потушить пламя, пуритане бросались на них со шпагами. Роберт Даун закинул голову миссис Баттеруорт

назад, и Саймон увидел при свете пламени, что все ее лицо залито кровью. Когда проповедник вынул нож, у него побежали мурашки по коже. Сьюзен снова закричала: «Нет!», но ее отшвырнули к стене трактира.

Методично, ритмичными движениями, проповедник начал срезать волосы с головы миссис Баттеруорт. Они падали на землю крупными прядями, а на коже оставались кровавые подтеки.

– Так Господь унижает своих врагов! – воскликнул он голосом, дрожащим от ярости. – Как Сатана тебя возвысил, так Господь сбросит тебя вниз!

Последняя прядь волос была срезана, и вооруженные мужчины поволокли миссис Баттеруорт по улице, в то время как другие продолжили поджигать дерн. Когда миссис Баттеруорт волокли по булыжникам мостовой, платье на ней загорелось. К этому времени на улице собралась большая толпа, и люди последовали за пуританами, тащившими хозяйку трактира. Некоторые выкрикивали оскорбления, другие что-то вопили, и Саймона сдавили со всех сторон. Он слышал, как сзади мать выкрикивает его имя, но не мог выбраться из давки. Толпа выплеснулась на рыночную площадь, миновала позорный столб с колодками и направилась к пруду, находившемуся во владениях лорда Рэдклиффа.

Когда миссис Баттеруорт дотащили до пруда, тело ее было объято пламенем. Мужчины, державшие веревки, вошли в пруд вместе с ней и держали ее под водой, в то время как все пуритане распевали псалмы вместе с проповедником. Роберт Даун повысил голос:

– И очистишься огнем и водой!

И его последователи воскликнули:

– Аминь!

Миссис Баттеруорт вынырнула на поверхность, отплевываясь, но ее снова утащили под воду. Саймон чувствовал, как вода проникает в его собственные легкие. Ему хотелось закричать, но, казалось, тогда легкие разорвутся.

У них за спиной, в Рэдклифф Холл, зажглись огни, но проповедник продолжал:

– Искореним зло среди нас! Если око твое склоняет тебя к греху – вырви его! И да погибнет любая ведьма или прислужник Дьявола, ибо День господа наступил!

– Что тут, черт побери, происходит? – закричал лорд Рэдклифф, который появился, полуодетый, у ворот своего дома.

Толпа умолкла, когда женщина снова показалась на поверхности. Сьюзен вырвалась вперед.

– «Так говорит Господь Бог: рыдайте! О, злосчастный день! Ибо близок день Господа, день мрачный!» – декламировал проповедник, подняв шпагу. – «Будьте бдительны, вы все, ибо Дьявол имеет много обличий. Он говорит устами твоих врагов и твоих друзей – да, и даже устами домочадцев твоих!»

– Я задал вам вопрос! – Лорд Рэдклифф приближался к пруду, на ходу выхватывая шпагу.

Проповедник даже бровью не повел.

– Не бойся обвинить соседа своего, ни жену его! Говори, ибо плоть можно умерщвлять, но проклятая душа живет в вечной муке!

– Сейчас же убирайтесь с моей земли, – загремел лорд Рэдклифф, – или я соберу своих людей! Что это вы тут делаете?

– Дело Божье, сэр, – ответил проповедник, наконец-то поворачиваясь к нему. – И нам давно пора было этим заняться.

Тело миссис Баттеруорт вытащили на берег пруда, и несколько человек выбежали из толпы и завернули ее в простыни.

– Вы превышаете свои полномочия, сэр, – заявил лорд Рэдклифф, и в его тихом голосе звучала ярость. – Главный магистрат округа будет поставлен в известность об этом.

Проповедник проигнорировал его слова и повел свою лошадь к пруду.

– Наша работа здесь выполнена, – закричал он. – Но пусть все запомнят этот урок и станут остерегаться!

Потом он повел лошадь прочь от пруда, и все его последователи потянулись за ним длинной вереницей, направляясь обратно к рыночной площади.

– Посмотрите, что вы наделали! – закричала им вслед Сьюзен. – Небось, вы собой гордитесь!

Но никто из пуритан не обернулся и не подал виду, что услышали ее слова.

Лорд Рэдклифф протиснулся сквозь толпу, которая теперь окружала миссис Баттеруорт.

– Кто это? – Он наклонился над несчастной женщиной. – Она жива, но едва дышит. Кто с этой женщиной?

– Я, – ответила Сьюзен.

Ее лицо было в пятнах от копоти и слез.

– Ее есть куда забрать, чтобы позаботиться о ней?

– Я не знаю, сэр, – сказала Сьюзен. – Они пытались поджечь трактир.

Лорд Рэдклифф тихонько выругался. И тут Саймон наконец увидел мать, которая проталкивалась к нему. Добравшись до мальчика, она стиснула его в объятиях.

– Огонь потушили, – сообщила она Сьюзен.

– Ступай за повозкой, – велел лорд Рэдклифф слуге, и тот бросился выполнять его приказание. – А теперь идите, вы все, – обратился он к толпе. – Тут не место и не время для сборищ. Расходитесь по домам.

Горожане расступились, бормоча что-то себе под нос, когда появилась повозка. На нее положили миссис Баттеруорт, все еще завернутую в простыни. Саймон видел паленую щетину вместо волос у нее на голове и ощущал запах горелого мяса. Сьюзен забралась в повозку, следом за ней туда уселись и Саймон с матерью. Люди умолкли, наблюдая за ними, и тележка покатила сквозь толпу. Лица людей были угрюмыми, испуганными или сердитыми. Сьюзен сидела, держа на коленях обезображенную голову миссис Баттеруорт. Мари крепко обнимала сына, и он чувствовал, как дрожь от нее переходила к нему.

12

Миссис Баттеруорт оставалась в своей комнате с закрытыми ставнями. Сьюзен смазывала ее ожоги свиным салом и посылала Саймона собирать крапиву, чтобы приготовить отвар, который, по ее словам, хорошо помогал при ожогах. Дверь в пивной зал тоже держали закрытой, так как эта комната сильно пострадала от дыма и пламени. Когда приходили посетители, чтобы узнать, как себя чувствует миссис Баттеруорт, или задать какие-то вопросы, они сидели на почерневшей кухне со Сьюзен, попивая горькое пиво.

Саймон, как обычно, заботился о Матильде и помогал матери отскрести пятна от дыма на площадке лестницы и в ее спальне. Однако теперь, когда трактир был закрыт, не было денег, чтобы отправлять его с поручениями. Мать стряпала что-нибудь из последних запасов мяса, а у Сьюзен постоянно варилось немного эля на случай, если появятся клиенты. Очень немногие заходили к ним в таверну, но однажды заглянул церковный сторож.

Он сидел в кухне, покрытой пятнами от дыма. На мужчине была куртка из грубой шерстяной материи, свой хлыст и жезл церковный сторож прислонил к стенке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.